

Колдовские миры

Галина Гончарова

Айшет. Магия чувств

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гончарова Г. Д.

Айшет. Магия чувств / Г. Д. Гончарова — «Эксмо»,
2020 — (Колдовские миры)

ISBN 978-5-04-109721-9

Маги разума – монстры. Монстры не могут помогать людям. Но Айшет Ланат это безразлично. Магия разума может найти преступника, может вылечить безумца, может... Может заинтересовать короля Раденора. Настолько, что его величество предложит заключить сделку. И Айшет не сможет отказаться, ведь на кону жизнь ее родителей, благополучие ее брата, а может быть, и счастье самой Айшет. Магия разума творит чудеса. Но есть нечто намного сильнее.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109721-9

© Гончарова Г. Д., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Галина Гончарова

Айшет. Магия чувств

Глава 1

Новая работа.

Так странно и так необычно. Какой она окажется? Я думала об этом половину ночи, а вторую провела в беспокойном забытии – то ли сон, то ли бодрствование, но, к своему искреннему удивлению, встала со свежей головой. И принялась одеваться. Что-то меня ждет?

Действительность, как всегда, сильно отличалась от реальности.

К небольшому зданию, в котором помещались и стражники, и расследователи, и, кажется, что-то еще, я подошла к восьми утра. К смене стражи.

Зря я это сделала.

Несмотря на серое платье, на туго заплетенные в косу волосы и на неприветливое выражение лица, нарвалась я почти сразу. Как только сообщила привратнику, что я к господину Каллену по рекомендации господина Шерена. Мужчина кивнул и ушел докладывать, а я осталась ждать у входа. И, естественно, на меня наткнулись уходящие со службы стражники. Они как раз сменялись с суточного дежурства. Общим числом – четыре человека.

Если мужчины в такой ситуации удержатся от шуток над девушкой... значит, это храмовники. Их мирское не привлекает, а вот стражников весьма привлекало. И они собирались развлекаться на мой счет. Вспышки красного, оранжевого, бурого весьма четко говорили об этом. Желание, похоть, достаточно много пошлых мыслей...

– Какие красотки у нас тут ходят!

Реплику подал парень лет двадцати пяти. Рыжий, высокий и вполне симпатичный. Карие глаза, нос в веснушках, улыбка... наверное, кому-то он нравится. Мне – нет. А вот вокруг него вспыхивали искорки желтоватой заинтересованности.

Я смотрела в сторону. А вдруг поможет? Мама говорила, что если на наглеца не обращать внимания, то он отвяжется. Наверное, это были другие времена или наглецы. Этот не отвязался.

– Девушка, а как вас зовут?

Я промолчала.

– А что вы здесь делаете? Я могу вам помочь?

– Кер, оставь девчонку в покое, – проворчал другой стражник, постарше. Я прищурилась на него, надеясь, что кто-то утихомирит наглеца, но мужчина вместо этого похабно ухмыльнулся: – Она, похоже, глухая. Вот и не слышит, и не отвечает.

Явно не десятник, те такими дураками не бывают.

– Всю жизнь мечтал о красивой и глухой девушке. А если она еще и немая...

Я бы отмалчивалась до последнего. Но с лестницы потянуло вниманием, и я поняла – за мной наблюдают. Возможно, и выводы делают, потому что пока я наблюдателя разочаровывала. Оттуда тянуло зеленоватым любопытством, которое сменялось на серое уныние.

Хм-м...

А если огрызнуться?

– Девушка – воспитанная, – резко развернулась я. – Вы не знаете, что сначала надо представиться самому, а уж потом спрашивать чье-то имя? Вроде как здесь не конюшня, а стража?

Мужчины переглянулись. Но смутить их чем-то таким было сложно.

– Да с удовольствием, – расплылся в улыбке рыжий. – Кер Варен, стражник. А это мой десятник, Эрен Делет. А вы, прекрасная незнакомка, – кто?

Десятник?

Мое мнение о городской страже принялось падать и падать...

– Вы же сами сказали – незнакомка.

С лестницы тянуло интересом.

– Вот и позвольте ей остаться, пока я не начну здесь работать.

– А что будет потом?

– А потом вам начальство объяснит, что к сотрудникам не пристают, – отчеканила я, незаметно косясь на лестницу. Долго этот кто-то собирается развлекаться за мой счет?

Кто-то из стражников расхохотался.

– А ловко тебя, Кер!

Вокруг рыжика вспыхнуло грязновато-рыжее облако. Такое неприятное, с коричневым оттенком. Не привык он к отказам, никак не привык.

– Ничего, красивым девушкам и положено быть гордыми, – мурлыкнул парень, явно заводясь. – Хотя бы сначала, чтобы цену себе набить.

– А потом? – подначил его начальник. То ли этот Кер что-то вроде местного циркача, то ли у него родственники знатные, то ли натура такая – во все дыры лезть? Я выяснять не собиралась, обойдусь.

– А потом все равно одно и то же. Еще и отбиваться приходится, – пожал плечами Кер.

– Подушкой, – подсказала я. – Или кальсонами. От мужей.

Стражники заржали.

А вот не надо думать о своем последнем походе и о том, как удирал с голым задом. Нечестно? Помилуйте, что может быть честного, когда четверо здоровых и наглых мужчин нападают на одну маленькую меня?

Кер покраснел.

– А вы замужем?

– А я предпочитаю не кальсоны, а лопату. Отобьюсь, если что, – окрысилась я. – Или отобью что-то...

– Проверим? – предложил Кер и схватил меня за руку.

Попробовал схватить, с закономерным результатом.

Я отступала ровно в ту сторону, в которую он руки не протягивал. Этому нас еще отец учил – и меня, и Корса. У меня получалось лучше, у брата, соответственно, хуже. Не отбиваться, а уворачиваться. Не давать себя схватить.

Я знаю, куда будет протянута рука, потому что действие следует за мыслью. Даже если человек все делает механически, мысленно он все равно представляет себе происходящее.

Шаг, второй, третий... а вот и метла, которую я заприметила краем глаза.

Ну, сам нарвался.

Р-раз!

Метла душевно прошлась по стражнику, сметая с него весь лоск. И два, и три...

– Я! Девушка порядочная! Себя! В обиду! Не даю! Но могу! Дать по шее!

Очень доходчиво получилось.

Стражники захохотали, рыжик вконец побагровел, но, прежде чем он кинулся вперед, желая показать мне, где зимуют раки, с лестницы наконец-то послышался голос:

– Когда ж ты угомонишься, Варен?

Стражники дружно изобразили сомиков – рот открыт, усы отвисли и жабры хлоп-хлоп-хлоп... Я для профилактики еще раз прошлась метлой по рыжику, закрепляя воспитательный эффект.

– Господин Каллен, я полагаю?

– Госпожа Истар?

– К вашим услугам, – чуть помедлив, отозвалась я. С одной стороны, я девушка, с другой – это мой начальник... в перспективе? Конфликтовать не стоит. С третьей... что ж ты смотрел-то? Испытывал?

А ведь может и так быть. И не сильно я бы удивилась, узнав, что все подстроено. Потому и Варен ведет себя так нагло... хотя нет – Варен просто дурак, вот им и попользовались. А его десятник явно в деле, потому и подначивал. Все равно – гады.

– Пройдемте со мной. Побеседуем. А тебя, Варен, я последний раз предупреждаю – нарвешься. Госпожа Истар, в следующий раз можете применить лопату.

– Убить или закопать, господин Каллен? – я вовсе откровенно издевалась.

– Смотря по обстоятельствам. Пройдемте.

Я бросила прощальный взгляд на рыжика и прошла.

* * *

Кабинет у моего начальника был небольшим. Письменный стол, два стула, стеллаж с кучей свитков – все. Разве что еще окно, в которое и неба-то видно толком не было. Светильник.

Господин Каллен уселся за стол, кивнул мне на второй стул, и я порадовалась, что надела теплую юбку. Неровности у стула были... выдающиеся. Я их каждой своей выпуклостью чувствовала.

– Итак, госпожа Шайна Истар, восемнадцать лет, не замужем, есть брат, Корс Истар.

– Да, господин, – вежливо отозвалась я. Конечно, мне меньше лет, но не говорить же правду?

– В Алетаре вы приезжие. Если возьму на работу – будете подавать на гражданство?

– Буду, господин.

– Не бедствуете?

– Ремесло прокормит, – пожала я плечами.

– И какое же? Расследователя?

– Ну что вы. Это если возьмете, господин Каллен. – Я освоилась и разговаривала вполне спокойно. – Вот, посмотрите. Зарабатываю я неплохо, жаль, за это гражданство не дадут.

Я выложила на стол кожаный пояс.

Расшивать кожу, если умеючи, не так чтобы долго и сложно, но неумеха месяц иголкой вытыкивать будет – я же за два дня освою. Ну, за три. Все равно не спится, пока Корс болеет... лучше уж за вышиванием подольше посидеть.

Пояс был расшит бирюзовыми волнами по черной коже. Над волнами сияли звезды из кристалликов хрусталя. Они дешевые, за два медяка горсть купить можно, вот я и попользовалась.

Господин Каллен провел пальцами по шелку ниток, по коже...

– Красиво. Это вы сами?

– Да. Это вам, в подарок.

– Подкупить хотите?

Вопрос был задан вроде бы и с улыбкой, но... была в нем недобрая подначка, была.

– Нет. Вас не подкупишь. Вы что решите, то и решите, это... просто так. Пока вы даже не мой начальник.

– Вы уверены, что я вас возьму на работу?

Я покачала головой. Переливы темно-синего и светло-серого говорили об обратном.

– Нет. Скорее, я вам не нравлюсь. Вы не хотите меня обижать, но и не думаете, что мое пребывание здесь пойдет на пользу.

Господин Каллен прищурился.

– Интересно. А вы разбираетесь в людях, госпожа Истар.

– Поэтому я и решила попробовать у вас поработать.

– Но не слишком. Иначе бы не провоцировали Варена.

Я фыркнула. Весьма непочтительно.

– Когда вы за кем-то подглядываете, не надо спускаться слишком низко. Сапоги торчали.

Мой пока еще не начальник прищурился.

– Вы меня видели. И ждали, что я вмешаюсь?

– Ждала. И вы вмешались.

Господин Каллен помолчал пару минут.

– Шайна, мне не по душе, что вы будете здесь работать.

– Я понимаю, – от меня явно ждали ответа.

– Но и не отступитесь?

– Сразу вы меня не выгоняете. Но и брать не хотите – почему?

– Потому что Шерен – гад ползучий, – скрипнул зубами господин Каллен, – он за тебя просил, а я не отказал... мучаюсь вот теперь.

Да? Мученик нашелся... а если посмотреть?

А если заглянуть к кому-то в память, то господин Шерен просто поспорил с начальником, что я справлюсь с этой работой. А как проверить?

Только одним способом – дать мне эту работу, вот и все. А не хочется, совершенно не хочется... но уговор дороже денег. Вот если бы я сама отказалась и ушла, но уж этого от меня наглецы не дождутся. Хамство какое на меня спорить, я им игрушка, что ли?

Поиграли, побросали, порвали...

Считай, наигрались.

– Господин Каллен, я все равно не откажусь от этой идеи. Какое дело вы мне хотели дать?

– Никакое.

– Можете дать самое сложное, я с ним справлюсь, – настаивала я. – И проверите меня заодно. Мало ли что господин Шерен в меня верит, вы-то не обязаны.

Господин Каллен покачал головой, укоризненно глядя на меня, а потом вздохнул и подошел к полке. Снял с нее коробку с несколькими свитками.

– Читайте, Шайна.

Я послушно развернула один свиток, второй...

Это были протоколы допросов стражников. И не могу сказать, что я многое из них почерпнула.

– Что это?

– Два дня назад сгорел склад в порту. Он принадлежит купцу Жереху. Купца, кстати, в городе не было, только вчера вернулся. Расследователь начал вести дело, опросил стражу, отправился в порт... там ему и переломало ноги, аккуратно когда он уходил.

– Чем?

– Бочкой. Случайно, увернуться не успел. Грузчик кается и клянется, что это случайность, но насколько она случайна?

Я потерла пальцем кончик носа.

– Что от меня требуется? Узнать, кто поджег склад?

– Так далеко загадывать не стоит. Опросить всех заинтересованных лиц и принести мне протоколы. Вопросы почитаете, напишете свои, покажете мне...

– Господин Каллен, вы же понимаете, что все предусмотреть невозможно? Наверняка будут дополнительные вопросы.

– Будут. Так что пишите, показывайте мне и отправляйтесь. Я хочу получить протокол допроса купца, его семьи, его слуг, охранников и всех, кто работает на складе.

– За один день?

– Можете за два.

– Я получу какой-то документ? Чтобы они мне отвечали, а не гоняли прочь поганой метлой.

Господин Каллен кивнул, давая невольную усмешку, и достал из ящика стола простую бронзовую бляху с вычеканенным с одной стороны гербом Раденора, а с другой – гончим псом. Расследователи.

Тяжеленькая.

– На два дня. Послезавтра я хочу получить бляху обратно, с протоколами допросов.

– Хорошо, господин Каллен.

– Садитесь и пишите, у вас полчаса.

Мужчина кивнул и вышел.

Полчаса мне хватило, чтобы очень бегло проглядеть четыре протокола, выписать из них основные вопросы и предъявить этот список. Господин Каллен, вернувшись, проглядел мою писанину, кивнул и вальяжно махнул рукой. Мол, отпускаю.

И я пошла.

* * *

Видимо, от меня ожидалась слеза, сопли, растерянность... я прекрасно понимала господина Каллена. К чему ему такие проблемы? Просто – к чему?

Любой нормальный человек постарается от меня избавиться. Только вот мне идти некуда. Я могу зарабатывать вышиванием, но в законах сказано четко: отработать три года на благо государства и иметь свое жилье.

Три года.

На благо государства.

Вышивка благом не считается. Так – развлечение. В лечебницу я пойти не могу – нет во мне сострадания к больным и не было никогда, в страже работать тоже не получится, я сегодня это отчетливо поняла. Есть, правда, и другой вариант. Как женщина, я могу выйти замуж, и через пять лет совместной жизни мне будет гражданство. Правда, нужны двое детей.

Бежим замуж и рожать? Нет?

Вот и мне тоже неохота, лучше уж поработать.

Судомойкой в школе я уже побывала. Три года – и будет мне счастье. И вечная ненависть к грязной посуде. Нет, не хочу. Посудомойки, уборщицы, прислуга в государственных канцеляриях... это – не мое. Отбиваться от таких, как Кер, или как там его?

Пришибу ведь. И даже не пожалею.

Попробуем должность расследователя. Я ведь могу просто задавать вопросы. А вот ответы...

Я уже поняла – мне нельзя активно воздействовать. Но читать людей можно. Вот этим я и займусь.

* * *

Бронзовая бляха оказалась отличным ключом, открывшим мне двери в дом купца Жереха. Но начала я не с купца, а с его слуг. С кучера, который рассказал мне, куда отвез господина, с личного слуги, который собирал его вещи, с дворецкого, который ведал хозяйством, пока купец был в отлучках...

Тут я ничего интересного не выяснила. Поездка была запланирована еще месяц назад, все о ней знали. День плюс, день минус – господин давно собирался к старому приятелю и компаньону. Дело житейское.

Сам господин Жерех света на происходящее тоже не пролил.

Он НЕ ЗНАЛ, кто подпалил его склад, и не знал, за что. Нельзя сказать, что он был хозяином-выжигой, скорее справедливым человеком, который платил за работу, а награждал только за то, что было сделано сверх работы.

Обиженные?

Да можно перечислить с десяток. Того рассчитать пришлось, этого выгнать с позором, а служанку, которая решила задом повертеть перед хозяином, жена вообще за волосы оттаскала. Дело совершенно житейское, приревновала.

Любовница?

Да что вы, госпожа. Нет и не заводил, вы просто мою жену не видели, а то б не говорили!

Я кивала, заполняя листы.

– С вашей супругой побеседовать можно, господин Жерех?

– Беседуйте, госпожа. Только...

– В вашем присутствии? Я согласна.

– Сейчас я позову Линду.

Пока купца не было, я еще раз проглядела протоколы. Но даже без них я уже видела – никто из опрошенных мной не причастен к этому происшествию. Хорошо быть магом разума: стоит только задать вопрос и посмотреть на реакцию. Лицом человек может владеть идеально. А вот всполохи эмоций вокруг него – видимые, естественно, только мной – выдают лжеца с головой. И никто из опрошенных не был причастен к поджогу.

* * *

Госпожа Жерех оказалась совершенно потрясающей красоткой. Такой место не в доме купца, а где-то во дворце. Вот как хотите!

Описываю снизу вверх.

Маленькие ступни, длинные стройные ноги, округлые бедра и тонкая талия, высокая грудь и округлые плечи, аристократические кисти рук и лебединая шея. Лицо тоже на уровне.

На мой вкус слишком кукольное, но красивое, тут уж не поспоришь.

Громадные голубые глаза, длинные ресницы, тонкие черные брови (подумаешь, краска помогла, это мелочи), пухлый рот и неожиданно задорный курносый нос. И в дополнение ко всему этому великолепию – шикарная грива светлых волос. Кудрявых таких, завитых и разложенных по спине в прихотливом беспорядке. Красотка воззрилась на меня и удивленным тоном протянула:

– Но вы же женщина!

– Госпожа Жерех, – вежливо попросила я, – ответьте мне на несколько вопросов, пожалуйста.

– Ну-у-у, хорошо. На какие вопросы вы хотите услышать ответы?

Я смотрела на зеленоватые всполохи вокруг женщины.

А ведь она не дура, отнюдь не дура. Просто играет глупышку, вот и локон на пальчике крутит. И смотрится рядом с мужем, как королева рядом с поваром.

– Что вы мне можете рассказать о пожаре на складе вашего мужа?

– Ой, ну почти ничего... горело там что-то...

– Что там хранилось?

– Кажется, ткани.

Вранье.

– Вы там бывали?

– Не по-омню... кажется, нет.

Опять вранье. Да что тут происходит? И как допросить эту куклу, не вызвав гнева ее супруга?

Воздействовать на нее? И прокричать на весь Алетар, что здесь бродит маг разума?
Ну уж нет!

А вот задавать вопросы, на которые она даст «правильные» ответы вслух, – это я могу. И прочитать то, что будет всплывать в ее разуме, – тоже. Чуть-чуть, только картинки...

Я мило улыбнулась.

– Давно вы замужем?

– Три го-ода...

– У вас есть дети?

– Нет.

– Вы беременны?

– Это важно? – прищурился купец Жерех.

Я развела руками.

– Уж простите, да. Кстати – кто ваш наследник? Мало ли что? Мало ли как?

Кажется, купца проняло.

– Мой племянник, Ирш Жерех, сын моего брата.

Учитывая картинку, которая встала в уме красотки и показывала этого Ирша в весьма интересном виде... гхм. А я и не знала, что у людей так бывает, думала, что только у собак...

– Такой светловолосый молодой человек со шрамом на переносице? – ради проверки уточнила я. И купец закивал головой.

Его жена тоже. Интересно, смогу ли я забыть, что у этого Ирша есть и еще один шрам – на внутренней стороне бедра, слева?

М-да. Могу подарить купцу новое прозвище. Так его собратья по ремеслу Хомяком прозвали, но Могучий Олень, к примеру, очень ему подойдет. Ведь не только Ирш, но и охранник, и еще трое мужчин... Какая активная красавица! И как ее на всех хватает?

* * *

Через час я вышла из дома купца умотанная, как будто камни грузила. А вы попробуйте и считать, и спрашивать, и не показывать виду. Хорошо, что краску у меня на щеках приняли за румянец смущения, а то бы век не отговорились.

Но и узнала я достаточно.

Купеческая супруга давно наградила мужа роскошными рогами. Шикарными, прямо-таки, развесистыми, с толком наставляла, с чувством...

А еще ей решительно не нравился супруг. Дама была аристократкой из обедневшего рода, отец ее проиграл последнее, сама девушка тоже была достаточно невосдержана в выборе любовников, так что пришлось выходить замуж со всей поспешностью. И не за равного себе – аристократы от такого подарочка шарахались, что демон от храмовника.

Вышла, огляделась и решила, что муж ей ни к чему. Управляющего – за глаза хватит. Вот на эту почетную роль и был выбран купеческий племянник. А поджог на складе организовал второй любовник – из охраны купца. Линда очень его просила.

Продумано все было до мелочей. От мужа надо было избавляться, и так, чтобы никто не подумал на безутешную вдовушку. Сначала поджог, потом кража, потом на деньги, вырученные от продажи краденого, нанимается убийца, а мужу пишется записочка. Хотите узнать, кто и что? Кто поджег, что злоумышляется?

Приходите тогда-то и туда-то.

Там-то и упокоится купец Жерех, а молодая вдова займет свое место в высшем свете. А когда есть деньги – есть и хорошее отношение, и репутация; опять же вдова – не блудливая девица, иные вдовушки хоть как гуляют, а остаются принятыми в любом обществе.

Ну и что мне с этим делать?

Мысли не наказуемы, но не ждать ведь убийства? А значит...

Допрашиваем племянника, допрашиваем охранника, который, кстати, и сбросил ту самую бочку, составляем протоколы допроса и относим господину Каллену. А свои выводы добавляем вслух.

Так я и сделала.

* * *

Господин Каллен смотрел на меня с откровенным сомнением.

– Госпожа Истар, вы уверены в своих словах?

Я пожала плечами, выкладывая перед ним еще с десяток листов.

– Протоколы допроса. Других охранников, трактирщика, слуг... дама встречалась со своими любовниками в одном и том же трактире. Зря, конечно.

– Как вам это пришло в голову?

Я развела руками.

– Мне показалось, что дама слишком хороша для этого дома и этого мужа. И ей тоже так показалось. Хочу заметить – последнее время у нее появился еще один любовник, судя по показаниям трактирщика, кто-то с городского дна. Не думаю, что ее потянуло на экзотику, скорее она ищет способ овдоветь.

– Я проверю все это, – кивнул господин Каллен. – И если все написанное правда – можете считать себя принятой на работу. А за переломы этот подонок мне еще лично ответит.

Я мило улыбнулась.

– Надеюсь на это. Наглость какая.

Расследователя, который вел это дело до меня, сгубило случайное совпадение. Что самое печальное, он даже ничего не понял. Просто Линда Жерех приезжала к любовнику в порт, узнавать, как и что прошло, любовник ей рассказал, а когда возвращался, увидел расследователя. Опознать его было несложно, сам представился, сам о своем деле рассказал, сам спрашивал.

С чего охранник решил, что расследователь видел их с Линдой?

Да кто ж его знает, когда у человека рыльце в пушку, ему всюду обвинители казаться будут. За каждым углом. Вот и получилось, как случилось.

Подкараулить расследователя и столкнуть на него бочку было несложно.

Протокол допроса охранника у меня тоже имелся. Алиби он себе обеспечил, но, зная, где наврал, я могла расписать все в подробностях. Так его, гада!

И приложить протоколы допросов его коллег.

Когда не знаешь – ловить сложно. А когда тебе заранее все известно, это не совсем честно. Но с кем тут проявлять честность? С теми, кто преступил закон?

Перебьетесь, господа. На что-то же мне дан этот дар?

* * *

Четыре дня прошли у меня исключительно в хозяйственных хлопотах.

Я расшивала кожаные вещи, ходила в лечебницу к Корсу и ждала ответа от господина Каллена. И не сильно удивилась, когда в дверь моего дома постучался господин Шерен.

Расследователь был доволен и весел.

– Шайна, рад тебя видеть!

– Господин Шерен! – улыбнулась в ответ я. – Проходите, взвар будете?

– А какой?

– Терновый.

– Буду! А мед есть?

– Разумеется. Взвар без меда – как девушка без юбки, чего-то там да не хватает.

– Некоторые девушки без юбки выглядят оч-чень даже ничего, – ухмыльнулся господин Шерен. При этом ни малейшего желания я у него не вызвала, потому и рискнула так пошутить.

– А вдруг у них ноги кривые? Или попа обвислая?

– Не говори мне таких ужасов!

Мужчина с удовольствием усаживался за столом. Я налила ему большую кружку взвара, поставила мед, печенье, сахарные крендельки – сама пекла...

Потом подумала несколько секунд – и достала окорок, сыр, хлеб.

– Давайте я вас основательнее накормлю? Небось с утра не евши?

Расследователь и не подумал отрицать. И в благодарность, пока я все нарезала, принялся рассказывать мне последние новости.

Суд над мальчишками, которые напали на Корса, вчера прошел. Приговорили их достаточно строго – три года работ на благо города, а это не самые приятные работы. К примеру, помощник золотаря. Или мусорщика. Опять же трубочист...

Шерен лично сходил на суд, не поленился, чтобы мне рассказать. Был поражен видом Арнесов. Мамаша вообще не пришла, отец выглядит очень прилично, во всем чистом, вроде как на работу устраивается, не иначе, благодать на человека снизошла.

Почаще бы такое с неба падало, а то кроме птичьего... гхм, и не дождешься ничего.

Инек тоже весьма потрепан, но к золотарю явится. Пусть только попробует не явиться. Розги за неявку – дело обычное, да и отец ему обещал добавить, если мальчишка будет отлынивать.

Мои допросные листы тоже проверили. Все оказалось правдой, так что господин Каллен приглашает меня завтра на работу. Ему понравился результат, поэтому меня ждет новое дело.

Купец Жерех очень расстроен, по слухам, госпожа Жерех вот уже сутки на люди не показывается. А что вы хотите? Простонародье, люди грубые, невоспитанные, за измену могут и поленом по хребтине. Чем уж досталось Линде Жерех – неизвестно, но явно от души. И поделом стервозе – не будешь гулять. А племянника господин Жерех и вообще из дома выгнал, орал, говорят так, что стены тряслись. Он-де доверился, а племянник ему таким злом отплатил! Хорошо, хоть ребенка жене не сделал.

– Много он мог сделать, – оправдала я невезучего Ирша. – Там такая стерва, не ото-бьешься. И кто посильнее не отбил бы, и кто поумнее.

– Знаю. Видел я ее. Но и ты не права, никто его силком в постель не тащил. Он хоть и орал про сочувствие к молодой женщине, которая свою жизнь со стариком губит, да только в храм-то все добром шли. Никто ее не заставлял. Пошла б вот работать, как ты, хоть и вещи расшивать...

– Я не из благородных.

– Так благородство не в титуле. Есть в Алетаре герцогиня Моринар, слышала о такой?

Я улыбнулась.

– Даже лично знакома. Она моего брата лечила.

– Так ведь не брезгует в лечебнице работать. Потому как действительно благородная. А кто пыжится... щеки надувать всяк дурак может, а ты поди заслужи уважение.

Я и не спорила с такой тракторкой. Господин Шерен мне нравился, своей практичностью и цинизмом много повидавшего человека. Умный он.

И ко мне хорошо относится, я-то вижу. Не знаю почему, но хорошо. Как к младшей сестре, наверное... Я довольно улыбнулась. Меня радовали два неплохих окончания расследований.

Настроение чуток подпортил тот же Шерен, поведавший по секрету, что начальник не слишком доволен. Орал на расследователей: мол, какая-то сопля появилась и сразу же разобралась, а вы, серьезные люди, стаю собак на этих делах сожрали, а все ушами прохлопали. Как так?

Нажила я себе «доброжелателей». Еще на работу прийти не успела, а меня там уже не любят.

Ну и плевать. Лишь бы деньги платили и гражданство дали, а любовь пусть при себе оставят, мне она и даром не нужна. А если мстить вздумают, я найду, чем ответить.

* * *

На следующее утро, подходя к знакомому зданию, я убедилась в мстительности людей на своей шкуре.

Уж кто сказал Керу Валену о моем приходе, но ждал меня стражник загодя.

– Попалась, детка?

Цепкие пальцы сомкнулись на моей руке.

– Чего надо? – напрямик спросила я.

– Поцелуй, – ухмыльнулся рыжик. – Как компенсацию за метлу.

– Ах, поцелуй... а больше тебе ничего не надо? К примеру, солнце в маринаде?

– Пока обойдусь. И не упирайся, все равно я сильнее...

– Твоя сила – уму могила, – ухмыльнулась я. Если бы люди знали, насколько они открываются, когда злятся, нервничают или желают мести, они бы себя куда как лучше контролировали. Хотя о чем я? Я – единственный маг разума на весь город, кабы не на весь Раденор. Конечно, бедняге Валену и в голову ничего подобного не придет. – Я вот приду да твоему десятнику расскажу, с кем ты вчера на сеновале обжимался.

Кер аж дернулся.

А не надо вот на сеновал дочку десятника таскать было. До главного у них не дошло, но мы с Михом себе и десятой части такого не позволяли. Тем более там, где люди в любой миг зайти могут.

– Ты откуда...

– Откуда знаю? А вот оттуда. Что, думаешь, вас не видел никто? И рассказать некому было?

Руки приразжались.

Я нежно улыбнулась, закрепляя воспитательный эффект.

– Ты ко мне не подходишь. А я молчу.

– Соврешь.

– Осьминога мне в задницу, если совру! – Местная клятва меня забавляла, но Кер хмыкнул.

– Лично засуну.

Я пожалала плечами. Я дурака закладывать не собиралась, но...

– Только учти, кто мне рассказал, тот и десятнику расскажет. Не задумается. Алетар – городок тесный... Я-то смолчу, а вот люди рта не закроют.

Кер Вален скрипнул зубами.

– Стерва.

– На том стоим и не шатаемся. Руки убрал, – огрызнулась я.

Руки разжались окончательно. Я повернулась и ушла, не прощаясь.

Люди-люди...

Маг разума, даже читая то, что находится на поверхности человеческого разума, получает громадное преимущество. Человек не может не думать. Даже те, кто со стороны вроде и вовсе умом не наделен, а все одно – думают, переживают, просчитывают: вот если собеседник скажет так, то я ему отвечу этак. А если он скажет вовсе даже этак, то и я иначеотреагирую.

Это все плавает на поверхности, даже силу применять не надо – и так видно. Выбирай вариант ответа – и действуй. Главное, не пережать.

И я довольно улыбнулась, заходя в здание.

* * *

Господин Каллен уже ждал меня.

– Доброе утро, госпожа Истар.

– Доброе, господин Каллен.

– Шерен вас вчера навещал?

– А то как же? – пожала я плечами. – Хорошо, что все подтвердилось.

– Хорошо, – согласился господин Каллен. – Вот вам следующее дело.

– Так я принята?

– Да.

– А платить сколько будут?

В деньгах я не нуждалась, но этот вопрос просто плавал в разуме начальника. Глупо было бы не спросить.

– Пока – двадцать серебряных монет. После окончания испытательного срока – это три месяца – оплата поднимается до двух золотых.

– Ого!

Это были вполне приличные деньги. Хватило бы и дом снимать, и прожить не бедствуя.

– Король считает, что гончака впроголодь не держат.

– Его величество мудр, – похвалила я.

Восхищался королем мой начальник вполне искренне, да и есть за что. Я не так долго прожила в Алетаре, но память Шайны подсказывала мне, что в Риолоне ни школ, ни лечебниц для бедноты просто не было. А тут король, худо ли, бедно, а заботится о людях. Человек – существо достаточно пакостное и многие благие начинания своей сущностью опошлит, но хоть какой почин, и то хо- рошо.

Так что я покивала и получила на руки очередные протоколы.

И что у нас тут интересного?

* * *

Убийство.

Вот уж воистину, деньги – зло. Нет их – зла не хватает. Есть они – не хватает на тебя зла у других. А вот яд для богатея прикупить могут нетерпеливые наследнички – что это такое, в самом деле? Живет и живет себе на свете богатая тетушка, никаких сил дожидаться ее смерти не хватает! Да с таким здоровьем она всех наследников переживет!

Кому ж такое понравится?

Вот и упала однажды утром престарелая баронесса Вирон, отведав за завтраком суфле из морских водорослей.

Брр, ну и вкус у дамы. Видела я это суфле – вид у него противный, а вкус гадостный. Я не ценитель высокой кухни, но в школе его раз приготовили для директора, удалось пару ложек попробовать.

Пакошь – жуткая. На вид – затвердевшие сопли, на вкус... сопли не пробовала, но и суфле не стану. А есть это добровольно? Фу! Хотя повариха говорила, что оно для крови полезно, может, оттого баронесса его и ела?

Кто еще присутствовал на завтраке?

Сын с семьей, дочь с семьей, компаньонка, ну и вишенка на торте – брат покойного мужа баронессы.

А почему протоколов так мало? Всего там было двенадцать человек, а допрошены всего трое? Сын, дочь и компаньонка? Опять кому-то ноги переломали?

Этот вопрос я и задала начальнику.

Господин Каллен только вздохнул.

– Не все так просто, Шайна. Там деликатно надо, брат покойного мужа баронессы – королевский постельничий.

– Это кто такой?

– Заведует королевским постельным бельем.

Я кивнула. Объяснения я уже получила, хотя господин Каллен и не знал об этом. Королевские слуги – каста особенная, быть у родника да не напиться? Они и пьют, иногда и допьяна.

Близость к королю дело такое, тонкое... может и пожаловаться, а его величество примет жалобу близко к сердцу. Был уже инцидент, правда, тогда задела семью королевского казначея, ну и вылетел расследователь со службы бабочкой. Даже королю никто не жаловался.

Я – девушка, симпатичная, приятная в общении, может, меня и не шуганут сразу. Хоть что-то да удастся узнать.

Ага, это на поверхности.

А внутри более гаденькие мысли. Все расследователи работают под началом у Эвре Каллена не первый год, он к ним привык, а мне пока цена не ясна, один раз повезло, второй раз может и не повезти. Выгонят – так и не жалко.

По справедливости, не принять он меня не мог. А по душе – господину Каллену не нравилось, когда бабы лезли в мужскую работу, то ли дело посуду мыть...

Придется доказать ему всю ошибочность подобных взглядов. С тем я и направилась в баронский дом.

* * *

Любой дом – отражение его хозяев. М-да, не хотела бы я жить рядом с баронессой, точно не ужилась бы. Дом большой, обстановка богатая, но души в нем – нет. Вообще нет. Холодно, пусто – видно, что люди живут, но словно скользят они где-то серыми тенями, словно вороны над могильной плитой, а дом выдавливает их из себя. Этот дом никого не любит. И дышит как нежилой.

Служанка в платье серого цвета и накрахмаленном переднике с чепцом проводила меня в гостиную. На лице – ни тени улыбки.

Все выстроено по линейке, по ранжиру, нигде ни пылинки, ни соринки, все до миллиметра выверено. На каминной полке безделушки стоят на строго равных расстояниях от края. Все настолько четко, словно не женщина с понятиями об уюте дома здесь жила, а солдаты с приказом: все расположить однообразно, как в армии, и держать в идеальной чистоте.

Ради интереса коснулась резной ножки стола. Пыль из резьбы выскрести – с ума сой-дешь. Я пробовала, я знаю. А тут ни пылинки, ни соринки. Какого же труда это стоило? И как проверялось?

Как надо загнать, иначе и не скажешь, свою жизнь, чтобы превратиться в такое? В каких рамках держать, в каких ежовых рукавицах? И главное – зачем?

Сзади раздался кашель. На меня с интересом смотрел мужчина лет шестидесяти-семидесяти, больше всего напоминающий цаплю. Я медленно поднялась, отряхивая платье. Пригляделась к ауре, к одежде, хотя по возрасту здесь должен быть один такой человек. Но мало ли?

Королевский постельничий? Но ведь в лицо не спросишь.

Ладно, попробуем так.

– Здравствуйте, господин барон.

Не угадала, но и не разозлила. Вокруг мужчины светлели ровные, холодноватые тона, серые, голубоватые, мелькали зеленоватые искорки интереса, но мало.

– Добрый день, девушка. Я не барон.

– Но... простите, вы не хозяин дома?

– Я дядя хозяина дома. Господин Вирон.

– Простите еще раз, достопочтенный Вирон.

– Уже простил. Кто вы?

Не рассердился. Это хорошо.

– Я исследователь. – Я предъявила бляху и мило улыбнулась. – Простите за мое любопытство, я увидела восхитительную резьбу по дереву и не смогла удержаться. Сразу видно, что хозяева дома обладают потрясающим вкусом.

Мужчина чуть расслабился. На сухом лице, словно вырезанном из коры, появилась... нет, не улыбка – оно бы треснуло. Но линии становятся чуть мягче.

– Приятно видеть, что юное поколение так чувствительно к красоте.

Ага, чувствительно оно. Особенно я. Как же.

– Что-то подобное я увидела лишь в одном доме. И мне сказали, что это Ферван Альский, – развела я руками. – Простите, если оскорбила.

Надо же. Улыбнулся. И лицо не треснуло. Но зрелище... улыбающийся деревянный болванчик. Жуть!

– Вы угадали, юная госпожа. Это именно Ферван.

– Быть не может! Это же безумная редкость!

Мужчина покачал головой.

– Давным-давно наш предок оплатил ему учебу, за что и получил подарки мастера. Есть еще буфет.

– О! Вы мне его покажете? Умоляю... ох, простите, господин. Я веду себя просто недостойно...

Недостойность поведения мне охотно простили и повели хвастаться. А потом я вспомнила о протоколах допроса.

Стоит ли говорить, что брат покойного мужа баронессы с радостью ответил мне на все вопросы. И стоило-то...

Увидев меня рядом со столиком, он подумал: не повредила бы эта нищенка столику. Работа мастера Фервана... Когда все мысли на поверхности, их легко прочитать, легко отреагировать. Это лицо у него невозмутимое, как и следует дворцовым прислужникам, а мысли – мысли разные.

Мне ответили на вопросы, и даже провели по всему дому, чтобы я побеседовала со слугами. И все больше я убеждалась – виновника здесь нет. По- ка – нет.

Сам господин Вирон даже и не думал травить невестку – ему это ни к чему, его родители в свое время честно поделили состояние. Чуть побольше досталось брату, чуть поменьше ему, брат выгодно женился, а он вложил свою долю в дело и с тех пор процветает. Да и во дворце часто наградные перепадают, опять же от придворных можно многое получить, если шепнуть словечко нужному человеку в нужное время. Не бедствует королевский постельничий, а к родственникам приехал в гости – ненадолго, баронесса пригласила. Зачем?

Не сказала.

Мне стало интересно.

Часто ли раньше приглашала в гости госпожа баронесса?

Честно говоря, редко. Господин Вирон имеет собственные покои во дворце и домик в городе. Поместье, где проживает его семья, находится за городом, он туда выезжает редко. Жене показан деревенский воздух, а ему работать надо.

С чего бы баронесса пригласила его? Пригласила вот...

Вцепляюсь мертвой хваткой. Может быть, баронесса что-то упоминала, или... Нет, не намекала, не говорила, не писала – глухо. Господин Вирон не понимает, о чем я. Намеков не было, такое бы он не пропустил. Этот человек вовсе не глуп, да и не бывают глупцы дворцовыми прислужниками, не то место.

Начинаю расспрашивать слуг о том же.

Баронесса не похожа на человека, который любит собирать в доме всю семью. Слишком уж тут тихо, спокойно, упорядоченно, откровенно тоскливо. Склеп он и есть склеп. А тут вдруг кого-то позвала?

А что происходило за последний год в этом доме? Явления призраков, несчастные случаи, может, переживала баронесса из-за чего, люди в таких случаях становятся сентиментальными?

Оп-па! находка?

Умерла любимая собака баронессы. От старости, наверное.

Умерла горничная баронессы. Случайно, упала с лестницы ночью. Шла за настоем для госпожи, поскользнулась, упала, не очнулась.

Третьей умирает сама баронесса. Как интересно-то!

Господин Вирон, который присутствовал при допросах, смотрел на меня странным взглядом. Он тоже сложил два и два. И, выпроводив из комнаты повара, вздохнул.

– Шайна, вы думаете о том же, о чем и я?

– Ваша невестка опасалась за свою жизнь. Ваш приезд подтолкнул убийцу, – озвучила я его слова.

– Но – кто? Кто этот подонок?

– Мы еще не всех расспросили, – пожала я плечами. – Поможете?

Мужчина по-аистиному, решительно кивнул, и я, ей-ей, ожидала увидеть у него в клюве лягушку. Увы...

Он поможет. Обязательно поможет! Кого еще надо допросить?

Сын баронессы с семьей – жена, дочь, сын. Дочь с семьей – муж, сын. Компаньонка. А кто у нас дома? Сын баронессы? Ныне барон Вирон?

Отлично.

* * *

Сын баронессы, почтенный Вирон, оказался дома. Сидел у себя в кабинете, что-то писал и явно не обрадовался нашему визиту. Семейное сходство с дядей налицо, пруд с лягушками по ним плачет.

– Господин барон...

Лицо барона чуть смягчилось. Его дядюшка принялся говорить, и мне даже интересно стало. Как люди по-разному все воспринимают!

Я просто старалась быть вежливой, а оказалась чуть ли не светочем среди расследователей, очаровательной милой дамой и умничкой. И со мной обязательно надо поговорить. Это может быть важно – вот присылали грубых мужланов и хамов, они ни в чем и не разобрались, а госпожа Истар начала спрашивать и сразу поняла. И все-то на виду, а сложить воедино только я догадалась.

Цены мне нет. Никакой.

Нельзя сказать, что барон был доволен, но я смотрела умоляющими глазками. Оказывается, на мужчин это действует... вот никогда не знала!

Барон вздохнул и согласился на мои расспросы. И началось...

Стандартный вопрос для таких моментов – завещание. Кто наследник, того и выгода. Или наоборот – обиделся кто-то, что наследником не стал.

Барон морщился, но его дядюшка, королевский постельничий, решил быть откровенным. Снявши голову, по волосам не плачут.

Интересное завещание составил отец нового барона. Титул и земля сыну, деньги – жене. Так что плясал наследник под каблучком у маменьки сколько лет... но – не протестовал. Покойная баронесса характер имела скупой, нрав занудный, а методичностью могла посоревноваться с любым учителем. Вместе деньги вкладывали, вместе прибыль получали, вместе планировали, на что потратить... ему смерть матери невыгодна, я это видела по разноцветным вуалям вокруг его тела. Тоска, недовольство, грусть... где он еще такого партнера и компаньона найдет? Так что барона все устраивало. Мать-то он точно не травил.

А как насчет остальных?

Остальных тоже надо бы расспросить, о чем я и сообщила господину барону. Выяснилось, что дамы отправились на прогулку по лавкам, и он не знает, когда все вернутся. Что ж, подождать придется...

Словно в ответ на мои молитвы, в комнату ворвалась... ожившая клумба. Пестрая, яркая, вихрящаяся всеми оттенками цвета – и трещащая без умолку. Я аж зажмурила глаза, потом открыла – и вихрь распался на пятерых женщин. Зеленый шелк, бирюзовый, желтый, розовый, серая ткань только оттеняла это буйство красок.

Жена барона, сестра барона, дочь, племянница и компаньонка. Они радовались покупкам, показывали все, рассказывали... На три минуты бедняги хватило, потом он негромко, но увесисто припечатал ладонью стол.

– Дамы, позвольте представить вам королевского расследователя – Шайну Истар.

– Расследователя?

– Девушку?

– Зачем она здесь?

– Какая рыжая.

– И молоденькая такая... она точно расследователь?

Даже не поняла, честно говоря, кто и что сказал. Жуткое зрелище. Пять женщин – это нечто кошмарное, особенно когда они разговаривают все и сразу. И как их барон выдерживает?

Дядюшка барона кашлянул, и все воззрились на него.

– Госпожа Истар – королевский расследователь. Возраст – не помеха профессионализму, кое в чем она разбирается лучше многих из здесь присутствующих. По поводу смерти моей невестки есть определенные сомнения, поэтому того, кто откажется отвечать на вопросы, я посчитаю виновным.

– Дядя!

– Дедушка!!!

Бесполезно. Лягушачьим кваканьем аистов не проймешь.

– Попрошу вас обойтись без глупых воплей.

Дамы послушно замолчали. И господин Вирон поглядел чуть снисходительнее.

– Попрошу вас, здесь и сейчас, в нашем присутствии, ответить на ее вопросы. Отвечает только один человек, остальные слушают.

Взгляды были возмущенными. А вот голоса никто не подавал – явно новый барон своих построил давно и по линейке. Я ухмыльнулась про себя и решила начать с баронессы.

Нельзя сказать, что женщины остались довольны, но на мои вопросы отвечали более-менее спокойно. Баронесса, потом сестра барона, по старшинству, потом их дочери.

И все они повторяли одно и то же.

Бабушка последнее время стала особенно вредной и придирчивой, детей гоняла, возмущалась, цеплялась за все подряд... почему так? Да кто ж знает... вот и компаньонка от нее пощечину недавно получила. Вязание взяла да пару петель и спустила ненароком, вот и получила оплеуху. А уж сколько проповедей бабуля зачитывала по любому поводу! Буквально на час могла привязаться из-за кружева не той ширины или пятна на скатерти.

И вообще, она, наверное, своим ядом подавилась.

Я расспрашивала, но мысли всех женщин были спокойны. Конечно, они нервничают. И из-за расследования, и просто – я им не нравлюсь. Разумеется, они злятся. И баронессу не любили. Но это другое. Это обычная неприязнь, а не вина в смерти человека, пусть даже самого ненавистного тебе. Просто нежелание соприкасаться с миром расследователей.

Последней я опросила компаньонку.

И поняла – зацепила. С первого вопроса, с первого слова, с первого взгляда я поняла – ей есть что скрывать. Она успела подготовиться, пока я допрашивала остальных, и это неспроста.

Спокойна. Девушка почти неестественно спокойна, она словно бы давит в себе все мысли, все чувства, если мысль обычного человека – это река, то здесь она подо льдом. Глубоким, темным льдом, через который почти ничего не просматривается. И чувства – тоже. Она маг?

Нет. Не маг, я бы это видела.

Она обычный человек, но очень способный и талантливый. Я и то не смогу так, как она, разве что свою силу призвать. Но тогда и работать будет моя сила.

Это уже не я. Уже не человек.

А эта девушка нарочито спокойна. И зачем ей это надо, если она ни в чем не замешана? Просто так – и такие усилия? Зачем? Даже если ты ненавидела хозяйку, даже если ты мечтала утопить ее в болоте погрязнее, зачем так глушить в себе и мысли и чувства? Она ведь не знает, что я маг, она настроилась на беседу с обычным человеком, и я понимаю – в таком состоянии ее бы пропустил любой расследователь. Опросил бы, не заметил ничего странного и отвязался. Это не магия, но в чем-то сродни ей.

Ладно. Сейчас мы выведем ее из этой отрешенности. Даже если сложновато будет – я справлюсь. Азарт запел в крови, мне нравилось играть с сильным противником. Что за интерес – рассматривать те мысли, которые и так напоказ? А вот здесь... здесь меня ждут трудности, и это здорово.

Я принялась расспрашивать. Как вела себя хозяйка, что требовала, любила ли вязать, строго ли следила за домом... те же вопросы, что задавала остальным. И когда девица чуть расслабилась, начала прощупывать именно ее, искать болевые точки. Неужели вам нравится носить такие жуткие тона? Или у вас нет денег на другие платья? Ах, униформа... сочувствую. Наверняка мужчины и не видят вас в таком-то платье, им не душу подавай, а вырез поглубже и расцветку поярче. Или ваш муж... ах, нет мужа? Вы же молодая женщина, неужели еще не замужем? А как же дети? А время-то идет, мы моложе не становимся, вам сколько лет? Двадцать пять? М-да...

И это постепенно расшатывало самообладание компаньонки.

Словно акулий плавник из воды, показались ее настоящие мысли. Выныривали краешками из-под темноты льда, пробегали, и я могла их разглядеть. Они оказались яркие, прямо всполохи. Видимо, обратная сторона такого вот состояния. Можно давить в себе эмоции, но то, что прорвется, будет намного ярче обычного. Сильней, искренней.

Так что ты думала о своей хозяйке, Сиана? Ну-ка, покажи мне?

Хозяйку она ненавидела. И не только она. Не одна она это задумала...

Бедная девушка, которую из милости взяли в компаньонки, гоняли по всякой ерунде, шпыняли и давили. Она должна была испытывать благодарность? Но за что? Если бы ей все дали просто так, тогда еще возможно, но люди – твари неблагодарные, я это точно говорю, как маг разума. А тут ей приходилось отрабатывать каждый медяк. Неудивительно, что она возненавидела свою хозяйку. Но просто так не решилась бы ее убить, если бы не помогли. Не подтолкнули.

Здесь и сейчас мне все стало ясно, и я посмотрела на господина барона печальными глазами.

– Достопочтенный Вирон, я могу заверить, что никто из присутствующих не причастен к отравлению вашей матери.

Аура девицы вспыхнула розовыми искрами счастья, и я жестоко растоптала ее мечты:

– Это сделала компаньонка, Сиана Вебрен. Она подлила яд.

Дальше начался... переполох в павлиннике. Для курятника здесь слишком роскошно.

Визжали дамы, ругались мужчины, бросилась выдирать мне волосы означенная компаньонка, и я увернулась. Драться тут еще с убийцами, вот не хватало. Она пролетела мимо, споткнулась о подставленную ногу и упала на ковер, где ее придавили и связали дюжие лакеи, которых позвал дядюшка барона. Умный мужчина, хоть и выглядит ужасно.

Минут через десять все успокоилось, и королевский постельничий посмотрел на меня с признательностью.

– Спасибо, госпожа Истар.

Я огорченно развела руками.

– Простите меня... вы рано благодарите.

– Вот как?

– Почему?

– Потому что сама по себе она ничего не получает. Только лишается всего. – Я действительно огорчилась. Я принесу в этот дом еще одно горе, но выбора нет.

Мужчины переглянулись. И быстро сообразили.

– Сообщник? – коротко спросил барон.

Я почти с сочувствием оглядела его. Бедняга. Хоть и цапля... цапель? Как это о мужчине можно сказать? Ах да, аист! Мне стало его просто жалко.

– Барон, могу я поговорить с вашим сыном?

– Почему нет? Вы считаете...

Произнести эти слова он не может. Не хочет.

Я покачала головой.

– Я пока не знаю. Дайте мне с ним поговорить.

Мужчины помрачнели. Но вина компаньонки почти доказана. Им остается только поверить мне и подождать.

Сын вскоре появился в кабинете, к сожалению, не один. Его сопровождала госпожа баронесса.

– Лидия, – приподнялся господин барон.

– Это мой сын, – ледяным тоном ответила дама.

Барон только вздохнул.

– Что ж... Госпожа Истар, прошу вас.

Я воспользовалась разрешением и принялась расспрашивать молодого человека, прямо в присутствии его матери. Грубо, в лоб. Ему по самоконтролю было далеко до подельницы, он уже сразу занервничал, я видела... Как вы относились к бабушке? Как вы относитесь к ее компаньонке? Давно ли вы стали любовниками? Вас видели вместе на симпатичном постоялом дворе...

Барон, понимая, к чему идет дело, поднял руку.

– Шайна, прошу вас...

Я на миг задержала вопрос.

– Лидия, ты все еще хочешь это слышать?

– Это мой сын, – горько поджала губы баронесса. – Если он на такое способен... сын?

Юноша покачал головой, но бегающие глаза уже не могли никого обмануть. Загнанные в угол крысы выглядят так жалко...

– Шайна...

Барон уже махнул рукой на правила приличия, и я вновь атаковала.

Что именно вы покупали в лавке травницы? Да, той самой, старой Ильмы? Вас и там видели!

Никто его, конечно, не видел, но мысли у парня все наружу.

Бабка старая, деньги большие, компаньонку он пригрел, чтобы та ему обо всех бабкиных планах доносила. А когда узнал, что старуха намерена деньги из семьи увести, считай, его сестре, да второй внучке приданое дать, тогда и решил ее притравить.

Компаньонке тоже досталось.

Собака – ее рук дело. Она яд в молоко подливала, баронесса собаку любила, поила из одной чашки с собой. Собаке-то меньше надо... старуха не душой была. Умной, злой... поняла, что ее травят, а кто – не знала. Всех подозревала, всех стереглась, и не помогло.

Яд купил мужчина. Яд подлила женщина.

Кто виноват?

Я вздохнула, положила бумагу на стол, посмотрела на печальных аистов.

– Господа?

И барон, и его дядя выглядели так, словно я их поленом по голове отоварила. Баронесса плакала. Вряд ли о свекрови, скорее, о себе. Она понимала, что сейчас бабка, завтра отец или мать... кто грань преступил раз, тот и на второй не задумается. Тяжко такое о близких-то узнавать, и тяжело, и гадко...

Молодой человек не дергался. Понимал, что уже поздно, слово сказано. Отравить родную бабку... это – не гадко. Это хуже.

Барон потер лицо руками.

– Шайна... я сейчас прикажу, чтобы их обоих закрыли где... вы сейчас в стражу?

Я медленно опустила голову.

Я знала, что задумал барон. И... я дам ему это время.

* * *

Чтобы дойти до работы, переписать два документа набело и попасть на прием к господину Каллену, мне понадобилось около двух часов.

Начальник проглядел их и аж подскочил.

– Т-ты...

– Я все написала, как мне сказали, – похлопала я глазками.

– А негодяи где?

– Под замком сидят, господин барон обещал их страже передать, как только та явится.

– Сейчас пошлю, – чуть успокоился господин Каллен. – Ну, Шайна...

Я развела руками.

Нукай, не нукай, а телегу не повезу. Но именно эту работу я могу сделать. И лучше твоих ребят, которые десять лет пробегали. Нечестно? Пользуюсь своим преимуществом? А что тут честного? Кто-то мужчина, кто-то женщина. Кто-то маг, а кто-то не маг. Для меня моя магия как дыхание, что ж теперь – и не дышать? Небось мужчины не считают зазорным, что они сильнее?

Вечером господин Каллен сильно ругался.

Компаньонку ему отдали. А у внука оказался при себе яд, тот самый. Он и решил его выпить. Знал, что не помилуют. Яд оказался хорошим, качественным, так что досталось начальнику только тело. Увы...

Дом в трауре, впрочем, там его по баронессе и не носили особо, а вот сейчас все в черном. Все в грусти и печали, а я в это дело лезть не собираюсь. Хотя подозрения есть и у меня, и у господина Каллена, но мы молчим и будем помалкивать дальше.

Иногда так правильно.

И если кто не в курсе, за доказанное убийство родного человека в Алетаре вешают. Поднявший руку на близкую родню здесь считается хуже бешеного пса. Оправданием могут послужить лишь серьезные смягчающие обстоятельства, но здесь таких точно нет. Просто кто-то – жадная гнусная мразь.

Я получила похвалу от начальства и два дня отдыха.

* * *

Через два дня господин Каллен выложил передо мной новую папку.

На этот раз совсем простое дело, не убийство, ничего...

Пропала брошь. Пропала она у жены купца, и брошь-то не так чтобы дорогая, но как память о матери она бесценна. Женщина умоляет найти, муж заплатил денег... о последнем мне господин Каллен не говорил, но зато думал.

А процент не предложил, нехороший человек. Попробовать его раскачать на премию?

Нет, не стоит. Я и так новичок, если еще начну демонстрировать знания, которых у меня быть не должно, лучше не будет.

И я отправилась в дом купца.

Там стоял дым коромыслом. Купчиха, дородная дама лет сорока, действительно искренне горевала о потерянной броши. Ей мать передала, сказала, от бабки, от прабабки, дочери передашь, а она... дура безмозглая... не уберегла, проворонила, клювом прощелкала...

Начав осторожно расспрашивать, я выудила из ее мыслей картинку броши. Я, конечно, не ювелир. Но есть подозрение, что крупный аметист, хоть и в золоте, много стоить не будет. Особенно у скупщика.

Чем хороша память человеческая: человек может и не помнить о своих поступках. Осознанно – не помнить. К примеру, ты приходишь домой, снимаешь перчатки, кладешь их в ящик комода. А потом начинаешь искать НА комоде. Ты ведь их не убрал... ты этого не помнишь. А руки сделали. И с тобой не посоветовались.

Да, и такое бывает.

Но купчиха ничего с брошью не делала, это точно. Лежала брошка вместе с остальными драгоценностями, она ее и не носила слишком часто, перебирала вместе с другими побрякушками. Я начала расспрашивать мужа, детей, слуг, служанок, вообще всех, кто бывал в доме... но никто не брал! Никому эта брошь не была нужна, ни даром, ни с доплатой, ни по вертикали...

Никто не приходил? Из посторонних? Гости, друзья, компаньоны?

Нет, и не приходил.

Тогда... остается только искать.

Купчиха моим вердиктом была недовольна, недоволен и господин Каллен, но я могла лишь развести руками.

Вот не крали ее – и все тут!

На второй день купчиха прибежала сама. И сильно извинялась.

Как оказалось, брошь действительно все это время оставалась дома. Ее взяла поиграть внука. Кукле на платье.

Девочка мелкая, она и не понимала, в чем дело. Бабушка играет, почему ей нельзя? Вот и взяла, и прикрепила, а служанка потом, когда поняла, что ищут... она даже вначале и внимания не обратила, брошь-то старая, золото тусклое...

Господин Каллен опять остался доволен, а мне было пора забирать брата из лечебницы.

Глава 2

Корс уже выздоровел окончательно и всю помогал лекарям. Сортировал травы, благо и он, и я их с детства знаем, в лесу жили. Выносил судна, мыл их... работа привычная.

И – удача.

Я застала у него госпожу Ветану с сыном.

– Ваша светлость, – поклонилась я.

– Рада видеть вас, госпожа Истар.

Герцогиня была спокойна и приветлива. Она не лгала.

Она действительно хорошо ко мне относится, она рада, что спасли Корса, а потому заслужила искреннюю благодарность и признанье.

– Ваша светлость, примите, не побрезгуйте? Вам и вашему сыну.

Два свертка достать из сумки несложно.

– Ах-х! Какая прелесть! Томми, ты погляди! Это нечто восхитительное!

Герцогиня искренне восхитилась.

Она черноволосая, с серыми глазами, и для нее я расшила комплект. Кошелек, перчатки, пояс. Черная кожа, серебристый морозный узор на окне зимней ночью...

Для ее сына – языки огня. Также перчатки, ремень, кошелек. Кожа тоже черная, но смотрится это совсем иначе.

У герцогини комплект изящный, небольшого размера, у мальчика чуть поглубже, но все равно ничего подобного в Алетаре не делают.

Мой подарок нравится, я это почувствовала и пару секунд жмурилась от удовольствия. Просто поток тепла шел от этих двоих... от магов чувства – сильнее?

Забавно.

– Это вы сами расшивали, Шайна? Какое чудо!

– Да, ваша светлость. Сама.

– Потрясающе...

Я почти увидела, как ее светлость вспыхнула неким озарением, словно только что ей в голову пришла интересная идея.

– Шайна, скажите, а перевязь вы расшить сможете? Вот так же. Пояс, перевязь, перчатки?

– Могу, – кивнула я. – А еще можно отвороты у сапог и куртку, к примеру. Или плащ.

Герцогиня улыбнулась, глядя на сына.

– Куртку – обязательно. Знаете что, приезжайте к нам... через три дня? Я пришлю карету. Вечером приедете, посидим, посмотрим, что хотят заказать мужчины, и я определюсь, что я хочу. Вы берете заказы?

– Беру. Только не обещаю, что быстро выполню. На это время нужно, а у меня еще работа есть.

– Нам не срочно – как сделаете, а заплачу я по-честному, не обижу, – махнула рукой герцогиня.

– Я вам уже за Корса обязана.

– А это уже моя работа.

Герцогиня засмеялась, и я поняла, что она совсем молодая, наверное, младше мамы.

Мама...

Грусть полоснула резко, остро, словно ножом по сердцу. Что-то с ними? Где она? Где отец? Когда они нас найдут?

Я старалась не показывать виду, но герцогиня что-то заметила. Не спросила, посмотрела вопрошительно. Я уже знала, здесь так принято. Не расспрашивай, не лезь в душу. Если у человека проблемы – он сам расскажет, сам попросит помочь. Тогда и поможешь.

А чтобы идти и жаловаться, ходить и ныть... такого не бывает. А если и случается, народ это молчаливо не одобряет.

Так что я честь по чести забрала Корса из лечебницы, попрощалась с герцогиней, и мы отправились домой.

И вечером у нас с братом разгорелся скандал. Причем по удивительному поводу – брату не нравится моя работа. Ну интересный вопрос! А слепнуть над вышивкой – лучше? Сопля!

Но наскакивал Корс как взрослый.

И с ума я сошла, и опасно это, и ни к чему такое женщине, грязное это дело...

– Корс, ты чего распетушился?

– Моя сестра работает расследователем! Бегает, людей... людей...

– Что – людей? – медовым тоном поинтересовалась я. – Расспрашиваю? А когда тебе надо было, так смолчал? Думаешь, другим легче в этой жизни, или приятнее, или у тебя – беды, а у них – прогулки под солнышком? Вот уж не так!

– Шань, это же опасно!

– Чего тут опасного? Вот стражникам опасно, а я при чем?

– А ты сама сказала – и ноги расследователю переломали.

– Вышиваю я руками, болтаю языком. Есть проблемы?

– Шанька!!! – взвился Корс.

Кто бы знал, каких мне усилий стоило не прочесть его мысли! Но я себе обещала. Должны быть какие-то границы.

– Еще раз спрашиваю: ты чего раскипятился? Нам гражданство Алетара позарез нужно, три года отработаю и получу его. Хорошо, если нас завтра родители найдут...

– А если... Шань, а если не найдут?

Голос Корса дрогнул, изломался... Как же ему страшно. Как жутко от осознания своего одиночества в этом мире. Понятно, он за меня боится, мы друг у друга одни. Здесь и сейчас мы одни против всего мира.

Я обняла братика за плечи, прижала к себе, погладила по волосам.

– Не бойся, мелкий. Я еще всех переживу.

Мелкий хлюпнул носом и прижался ко мне покрепче.

– Мне страшно, Шань. Мне так страшно...

Этой ночью мы спали в одной кровати. И я шептала брату, что работать надо. Расследователи работают на короля, а он о своих людях заботится. А если чем отличусь, так и король меня заметит, и награду можно будет попросить. И родителей найдем, если Корона поможет. Это у нас сил нет, а у короля Раденора – есть. Мы справимся, обязательно справимся.

* * *

Следующее задание.

Кто-то ворует. Семья у кожевника большая: сам, четверо сыновей, да жены, да их дети, а вот поди ж ты, завелась паршивая овца.

Неясно кто, но ясно, что свой. Слуг два раза меняли, а все бесполезно, продолжается потрава. То выручки в шкатулке недосчитаются, то вилок серебряных меньше окажется, то подсвечник пропадет. И ведь по-умному шкодит, берет не много, а ровно столько, чтобы не попасться на месте.

Кожевник скрипнул зубами, понял, что не выследит вора, да и пришел к господину Каллену.

Я оказалась третьей из расследователей, которых послали на это дело. А то ж!

Восемнадцать взрослых, да детей еще семь штук – с ума сойдешь. Бедняги выли и дело вести отказывались. Протоколов была уже куча, а толку никакого. Никто ничего не видел, не знает, не думает...

Кожевник Айлат, когда я вошла, как раз сидел у господина Каллена.

– Добрый день, господа.

Да, так на меня давно не смотрели, с таким искренним удивлением.

– И это ваш исследователь?

Господин Каллен хитро улыбнулся.

– А что вам не нравится, господин? Шайна девушка неглупая, уже три дела успешно провела, я ею доволен. А что серьезно не выглядит, так и неплохо, пусть люди думают, что это такая куколка, по знакомству...

Я тихо зашипела.

И ведь думают. Наверняка так и думают, это в голове у начальника на поверхности. Вот сволочи!

– Может быть, господин Геран продолжит мое дело?

Господин Каллен покачал головой.

– Если госпожа Истар вас не устраивает...

Кожевник махнул рукой, с видом – сгорел сарай, гори и баня. Издевайтесь надо мной, мучайте, подсовывайте мне сопливых девчонок... на то и власть, чтоб куражиться всласть!

Светлый вам за меня еще отомстит!

– Госпожа Истар, когда вы отправитесь к господину Айлату?

– Хоть бы и прямо сейчас, – пожала я плечами. Чего тянуть?

– Протоколы не посмотрите?

– Зачем? – опять удивилась я. – Если вы ничего полезного там не нашли, так я и по давню не найду.

Господин Каллен ожег меня злым взглядом, но возражать не стал. И правильно. Нечего на меня все самое сложное сваливать, была б я обычной девушкой, волком бы выла и прочь бежала от такой-то радости. Он это знает, я это знаю...

– Я, с вашего позволения, с господином Айлатом поеду, с ним и поговорим по дороге.

– Я пешком пришел, – прогудел кожевник.

– А и не страшно. Чай, не высокородная, чтобы ноги бить побрезговать. Прогуляюсь.

– Далеко идти, – сделал последнюю попытку кожевник. Но получил только взмах рукой.

– Раньше выйдем – раньше придем. Пойдемте?

– Пойдемте, госпожа, – сдался кожевник. И мы вышли за дверь.

* * *

Сложно ли разговорить человека, которому ты не нравишься?

Да не особенно, правда, не факт, что ты услышишь о себе что-то хорошее. Я и не услышала.

Малолетка, соплячка, мелочь мокроногая... дело житейское. Я кивала, поддакивала и строила несчастные глазки. И через полчаса господин Айлат смягчился. Подозвал извозчика и принялся ворчать уже на мое начальство. И такие они, и сякие, и девчонку послали, нет бы самим разобраться, так на малявку сваливают. Небось чужой-то загревоток от оплеух меньше болит.

В последнем я с ним была полностью согласна.

Слово за слово, и следующие полчаса, пока мы ехали к кожевенной мастерской, господин Айлат жаловался на неведомого пакостника. Это куда ж годится – в своем-то дому да гадить? Даже птица хвост из гнезда выставляет, а тут завелась тварь.

Да завелась-то одна, а подозревать всех приходится. Куда это годится – родным не доверять? Ужас! Кошмар! Миротрясение основ!

Я поддакивала и понимала, что кожевник действительно огорчен и расстроен, никого точно не подозревает, а как с этим жить – непонятно. Но тяжело.

К концу поездки мы договорились до того, что меня кормить надо. А то расследователя из меня путного не выйдет, переломлюсь, коли рядом кто чихнет. Так что начнем мы расследование просто.

Сначала я сяду в гостиной, там меня будут кормить, ну и домочадцы будут туда приходить по очереди. А я уж буду их допрашивать в свое удовольствие.

Так мы и поступили.

* * *

Съесть все, что мне подали, я бы и за год не смогла. Но мидии в винном соусе были безумно вкусными. И печеные крабы тоже. А хлеб вообще чудо.

Угощение радовало, а вот люди относились ко мне откровенно враждебно. И просидела я у кожевника до позднего-позднего вечера.

Зато и воров нашла.

Их было двое.

История получилась гадкая и пакостная. Наверное, потому, что в ней был замешан ребенок. Четвертый внук кожевника связался с дурной компанией. Как это происходит – сначала мы тебя угостили, а теперь ты нас угости. Всех.

Не хочешь?

А помнишь, как мы на рынке булки воровали?

Как известно, где булки, там и все остальное. Мальчишка начал тащить из дома вещи... и за этим неблагородным делом его поймала одна из теток. Жена младшего сына.

Ей тоже нужны были деньги, по схожим причинам. Любовники – это штука затратная, а уж когда любовник – конкурент...

Узнал бы муж – убил бы.

Ладно, не убил бы и не убьет, но правде жизни поучит. А не наставляй мужу рога и не будешь сырую картошку к бланшу прикладывать. Так-то...

Потому и вычислить воришку не могли, что шkodили двое и в разное время.

Осталось совсем немного – рассказать об этом кожевнику и добраться до дома.

С первым я справилась без труда, показала протоколы, намекнула, у кого спрашивать надо за пропавшие вещи. И даже адрес скупщика назвала. И ребят из дурной компании перечислила, и любовника назвала.

Господин Айлат послушал и кивнул.

– Начальству доложите?

– Завтра и доложу.

– Это правильно. Однако ж... ваши ребята сколько возились, и ничего, а вы за один раз и справились?

Я развела руками.

– Не просто так меня к вам господин Каллен послал.

– Я уж вижу. Спасибо вам, госпожа.

Я ответила улыбкой.

– Может, я для вас чего сделать смогу? Может, вам кожа нужна?

Я покачала головой. Нет, не нужна...

– Мне Корона зарплату платит за эти дела. Вот разве что домой меня доставите? Где я сейчас извозчика найду?

– Это запросто. Сейчас повозку заложить прикажу...

Господин Айлат вышел и принялся звать конюха – одного из сыновей. А как в таком хозяйстве да без лошадей? На себе-то кожи не потаскаешь, они тяжелые...

Доставили меня домой честь по чести, в возке. А что в него еще корзину с разными вкусами для меня поставили...

А это не благодарность.

Я, пока бегала, брату ничего приготовить не успела, вот обо мне и позаботились. О нас.

Но как ни успокаивай свою совесть, а халява впрок не пошла. Корс так обожрался мидиями, что потом всю ночь бегал на двор, размышлять о вечном и чистом, перевел все лопухи и возненавидел мою работу еще больше. Мало того что за сестру переживает, так еще и самого травят.

Гады!

* * *

Нельзя сказать, что господин Каллен был в восторге. Но что мне до его возмущений?

– Шайна, тебя никуда послать нельзя! Сразу приносишь протоколы, а там... остается только стражу посылать. С тобой их, что ли, отправлять? Сразу, чтоб дважды не ездить?

Я развела руками. Мол, виноватая, господин начальник. Не знаю в чем, но спорить не буду. Это все я.

– Ладно. Тогда бери следующее дело. И учти, оно сложное.

Я пожалала плечами. Можно подумать, мне другие достаются.

А рассматривать это следует так: господин Каллен формально отказать мне не мог, я грамотна, я отвечаю почти всем условиям, а что девушка... ну, бывают у людей недостатки и похуже. Напрямую отказать он не мог, а выжить...

Подсунул сложное дело – я справилась.

Подсунул дело еще сложнее – опять справилась.

Я искренне боялась, что это так и будет продолжаться, по нарастающей, пока кто-то из нас двоих не сдастся. Интересно, надолго хватит господина Каллена?

За себя я не волновалась.

– Спасибо. Где я могу почитать, у вас?

Господин Каллен покривился и махнул рукой:

– Идем.

Я послушно направилась за ним. Хоть коробку бы у меня забрал, рыцарь. Куда там, топашь, ног не видишь...

Дорога окончилась в небольшой комнате, в которой стояло несколько столов... ага, четыре стола. К одному из них меня и подвел господин Каллен.

– Теперь это твое место. Чтоб не дома писать протоколы, ясно?

– Да, господин Каллен.

Я с облегчением сгрузила коробку на стол и огляделась по сторонам. М-да, а местным обитателям я уже не нравлюсь.

Трое мужчин, вставших с нашим появлением, смотрели весьма и весьма недовольно. Господин Каллен – с предвкушением, и мысли у него на поверхности плавали гаденькие такие...

Начнет возмущаться? Попросит другую комнату? Закатит истерику?

Он уже знал, что мне скажет, заготовив свою отповедь для каждого случая. И по капризным девчонкам пройдет, и по сопливым недоучкам, которым опыт перенимать надо... Но от меня утрется он, человек непорядочный!

Я мило улыбнулась.

– Господин Каллен, я вам так благодарна! Чудесная комната! И стол великолепный! А эти милые молодые люди с радостью помогут мне навести здесь порядок, правда?

Молодые люди, самый младший из которых был старше меня лет на десять, глядели недовольными глазами. Они точно не собирались мне ни в чем помогать.

Наивные...

Я улыбалась как ни в чем не бывало.

– Гхм! – прокашлялся господин Каллен. – Ребята, это Шайна Истар, она у нас будет работать. Уже работает. Девочку мне не обижать. Шайна, это Ирек Аран, Барсет Кареш и Лорн Годор. Будьте знакомы. Осваивайся.

И улетучился.

Гад он все-таки. И я ему не нравлюсь. Ну и пусть – всем мила не будешь. Я пожала плечами и открыла ящик стола. И извлекла из него здоровущие панталоны, в которые две меня поместились бы. Тонкие, батистовые, с вышитыми цветочками.

Подняла глаза на мужчин.

Те так же стояли и смотрели, уже выжидаяще. Ну и что ты сделаешь, сопля?

Я не стала их разочаровывать.

– Мальчики, это чье?

«Мальчики» переглянулись и стали приближаться ко мне. Наверное, надеялись, что я хотя бы занервничаю. Как же...

У них все мысли были на поверхности. Они возмущались несправедливостью начальства, я им не нравилась, и они хотели надо мной поиздеваться. Слезы им вполне подошли бы. Но не что-то серьезнее, все же подонков на этой службе не держали.

– А ты примерь, киса? – предложил, кажется, Барсет.

– Дожив до тридцати лет, ты не можешь сравнить дамские размеры? – удивилась я. – Ясно же, что это не на такую, как я, а на кого-то покрупнее? Точно не ваше?

– А у тебя панталончики с вышивкой? – вкрадчивым тоном поинтересовался Лорн.

– Да, – мило улыбнулась я. – С аютиными глазками.

Мужчина подавился воздухом и отстал. Ага, а не надо при виде «моих» панталон вспоминать те, что вчера с любовницы стаскивал.

– Покажешь? – перехватил инициативу Ирек.

Я хмыкнула.

– Дослужишься до начальства – покажу. А до той поры можешь не рассчитывать.

– А обычные расследователи тебе уже и не хороши будут? – «обиделся» Ирек.

– Обычные-то ладно. А вот господин Каллен сказал, что ты четыре дела ему сдать не можешь, – хмыкнула я. – Месяц тянешь.

– И не четыре, а всего два, – обиделся Ирек уже всерьез.

– И одного много. Значит, так, я в гадюшнике сидеть не собираюсь. Где у вас ведра и тряпки?

– Так ты уборку сделать хочешь? Это правильно...

Мужчины переглянулись. Ну да, в их понимании, раз я сюда пришла, то теперь буду убирать комнату, а заодно могу кормить их и выслушивать пошлые шуточки. Вот радость-то!

– Господа, вы меня не услышали, – я повысила голос, чуть-чуть, чтобы слышно было и в коридоре. Там явно кто-то был, из-за двери аж сочилось желтоватое любопытство с оранжевыми искрами. – Либо мы убираемся все вместе, либо не обессудьте.

Мужчины пожали плечами.

– Ведра в кладовке, там же тряпки, – обронил Барсет. – Кладовка – вторая дверь налево.

– А вы мне помочь не хотите? – еще раз уточнила я.

Ответом мне были три удивленных мужских взгляда. Помочь? Зачем? Уборка – бабье дело, это всем ясно! Ну ладно, сами напросились.

Следующий час я работала.

Выгрузила из ящичков стола весь хлам, дочиста отмыла стол, пяточок вокруг него, и ладно уж – окно рядом, а то сквозь него уже свет не проникает.

Потом отнесла все в кладовку и уселась разбирать бумаги, наплевав на мужские взгляды. Что нас ждет в этот раз?
Явление призрака?

* * *

В призраков я верила. Это, конечно, бывает...

Вот и к господину Акселю, между прочим, богатому купцу, начал являться призрак покойной жены. Стыдится, ругается, а потом пропадает. Бедняга спать не может, жрать не может, нужду справлять не может... одним словом – горе у человека, беда.

Ладно – сходим, побеседуем.

У меня был только один вопрос – почему господин Аксель обратился к нам? Обычно это дело магов, желательно – некромантов. Что, нет таких в Раденоре?

Позвольте вам не поверить!

Есть такие. Вся королевская семья... ладно, для купца это не тот уровень, чтобы вот так запросто к королю ломиться. Но ведь и другие маги есть? Чтобы поговорить с призраками, нужна только магическая сила: это хоть маг воды, хоть маг земли, хоть кто сойдет.

Что такое призрак? Или правильнее спросить – кто это?

Душа умершего человека, которая не может упокоиться. Что-то ее держит здесь, какой-то якорь. Разрушь якорь – и призрак уйдет.

Иногда с ними можно поговорить. Да чаще всего – можно. Призракам здесь тоже не слишком сладко, вот они и стараются донести до людей свою проблему. Чтобы уйти спокойно и без боли.

Я проглядывала протоколы... придворный маг? Ренар Дирот?

Интересно...

Магии не обнаружено? Призрака нет?

Я прикусила ноготь на большом пальце.

Что мы имеем? Есть богатый купец, которого кто-то пугает призраком? Однозначно надо разобраться.

Я сложила протоколы в коробку и отправилась к купцу. Вот в такие минуты я понимаю, что мой дар – не зря. Если применять талант на пользу людям... А тут наглость какая! Доводить живого человека до смерти, используя мертвого.

Доберусь я до умника, который это придумал, и будет ему весело и интересно. Люблю я раденорское правосудие!

* * *

Господин Каллен заглянул в комнату ровно через два часа. Расследователи все еще обсуждали новенькую, вместо того чтобы работать. Но это-то ладно.

Возмутило господина Каллена нечто другое.

– И что тут происходит?

Расследователи дружно показали на протоколы, которые перебелили начисто.

– Это-то я вижу. Я вот об этом...

Мужчины присмотрелись – и дружно обругали Шайну.

Клятая девчонка отскребла все дочиста – только на своей четвертушке комнаты. И остальные три четверти, с паутиной по углам, мухами в этой паутине, изрядно загаженными

столами... уборщица-то здесь бывала, но именно что бывала. Убирала она с этакой аристократической небрежностью, полагая, что если пыли от двери не видно, она и не считается.

Пришлось беднякам браться за тряпки и ведра и отдраивать остальные три четверти комнаты.

Стоит ли говорить, что любви к новенькой им это не прибавило?

* * *

Дом господина Акселя, даром что в Зеленом городе, мне очень понравился. Весь в зелени, весь в плюще. И сам господин Аксель, к которому меня провел невозмутимый дворецкий, – тоже понравился.

Сидит за громадным письменным столом этакий невысокий сухощавый старичок, разбирает бумаги, что-то зачеркивает на большом листе, некоторые свитки откладывает в сторону, а какие-то бумаги сразу отправляются в мусор, видно – работает, а не ворон считает.

– Госпожа Истар к господину Акселю, – провозгласил дворецкий и прикрыл за собой дверь кабинета. Я вежливо поклонилась. На платье блеснула бляха, которую я по примеру других расследователей покамест приколотла к платью.

– Доброго дня, господин Аксель.

– Доброго дня, госпожа Истар, – откликнулся дед, вставая из-за стола. – А вы не слишком ли молоды для своей работы?

Я развела руками.

– Пусть за меня говорят не возраст, а дела, господин Аксель.

– И то верно, я не старше был, когда дело принял, – согласился мужчина. Глаза у него были ясные, веселые, ярко-зеленые. Человек с такими глазами просто не может быть старым. Душа у него так молодой и осталась, и дела ему не в тягость.

Люди разные.

Есть те, кто навсегда застывает в своем времени и противится всему новому, а есть и другие, которые обожают все новое, все интересное, которым за счастье идти в ногу с веком. И время бережно баюкает их на своих ладонях, даруя им крепкую и здоровую старость.

– Тебя как зовут-то, девочка?

– Шайна, господин Аксель. Можно – Шани.

Мысли этого человека я тоже видела. Зеленоватый, голубоватый, немного золотистого...

Он занят своими делами, я ему любопытна, и он испытывает ко мне расположение. Не более того. Просто как к обычному человеку. Без грязных и пошлых мыслей, которые нет-нет да и проблеснут даже у господина Каллена.

– А меня – Ларен, – согласился господин Аксель. – Располагайся в кресле, поговорим. Да я сейчас закажу, нам взвара принесут с пирожками. Будешь?

– Буду, – согласилась я. Корс, поросенок мелкий, вчера все гостинцы слопал, за что и поплатился, а я с утра голодной осталась. Кусок хлеба пожевала и побежала. Для брата готовить не стоило, а для себя одной и неинтересно было. – Спасибо, господин Ларен.

Купец улыбнулся и коснулся колокольчика.

И опять – ничего плохого я в нем не ощутила. Желание накормить... вот как внучку. Не сомневаюсь, к своим внукам он примерно так же относится.

Вызванный слуга принес нам вишневый взвар с пирожками, и, уже сидя за столом, мы разговорились. Пирожки были выше всяких похвал, тесто таяло во рту, я едва не урчала от удовольствия, но слушать не забывала. И вопросы задавать – тоже. Потом протокол заполню.

Вот еще почему хорошо быть магом разума. Человек ведь ничего не забывает. Что видел, что слышал... оно как бы записывается на свитки и хранится по полкам нашего сознания. Иногда так далеко, что достать эти воспоминания просто невозможно.

А я могу.

Любые воспоминания, в любой момент. Стоит только пожелать.

Господин Аксель занимался торговлей. У него восемь кораблей, бешеные деньги, товароборот, он торгует и с Тиртаном, и с Арнойей, возит экзотические товары...

Я внимательно отслеживала его мысли. Нет, не врет. И торговля процветает, чутье у дедушки на такие вещи. Знает, что везти, когда ткани, когда пряности, когда самоцветы...

Семья?

И тут все в порядке... почти. Дети выросли, сын женился, но отец его не одобрял. Взял купец за себя дворянку, хоть и из обедневшего рода, но знатную, и началось...

Я – графиня, а ты – купец, я – высокородная, а ты – простонародье, я лучше знаю, а ты хуже... и денег дать не забудь. Ну да у сына характер не из простых, постепенно и срослось, и утряслось, сейчас троих внуков Акселя воспитывают. Дочка – та умнее, та за купца замуж вышла, капиталы объединили, сейчас внучку замуж выдали, скоро правнуков можно ждать.

Жаль, жена не дождалась.

С этим сложнее всего.

Жили они с женой душа в душу, больше пятидесяти лет прожили, еще молодыми поженились. Дай Светлый памяти, ему лет двадцать было, ей шестнадцать.

Любовь?

Да как бы вам сказать, чтобы честнее... не то чтобы любовь, тоже капиталы сливали. Было такое в обычае у купцов.

Господин Ларен Аксель махнул рукой, мол, не для протокола, и рассказал честно. Может, оно и не слишком хорошо, да что таить? Море утекло, суша поменялась, за пятьдесят-то лет. Отец у него тоже купцом был, хоть и не из больно удачливых, молодой Ларен мечтал сам торговать, да кто ж ему даст свое дело-то начать?

А тут познакомился с Иладой, та и влюбилась по уши... воспользовался парень случаем? Не без того. Но за себя он отвечать может, за пятьдесят лет не обидел. Всякое бывало, конечно, – и ссорились, и ругались, и налево завернуть случалось... Но Илада всегда знала, что она – главная женщина в жизни мужа, что дети их никогда ни в чем нуждаться не будут, что он от нее не уйдет, не бросит, всегда уважать будет...

Не знаю, так или не так, вторую сторону я не выслушаю по уважительным причинам, но купец в это точно верил.

Женщины? Да, бывало в его жизни всякое, вот и сейчас есть одна симпатичная вдовушка... ну так что ж? Детей он иметь больше не хочет, тех, что есть, с лихвой хватит...

Я прищурилась.

– А сколько – есть, господин Ларен?

– Двое, Шайна.

– Ой, неправду говорите, – покачала я головой. – Господин Ларен, вы ж сами понимаете, что если правды с самого начала не говорить, то и добра не получится. Так сколько детей-то?

– Ишь ты... так заметно, что ли?

– Считайте, чутье у меня. На правду, на неправду... человек ведь сам шепчет, – пояснила я. – Это не магия, а так... всякое. И бабка моя умела.

Даже не соврала. Умела ведь? Умела...

– Вот оно как... ладно – трое у меня детей, трое. Все мы живые люди...

Вторая беременность у госпожи Аксель проходила очень тяжело, боялись ребенка скинуть, вот и береглась женщина, и не напрасно. И роды выдались тяжелые.

Всего получилось около двух лет, как она к себе мужа не подпускала, может, полтора года, а дело-то молодое – режьте-вешайте, а *хочется*...

Не устоял.

Случилась у одного плотника молодая жена, а сам плотник старым оказался. Женился на малолетке то ли по любви, то ли по глупости, вот и обзавелся благородными оленьими украшениями. Не так чтобы долго у них с Акселем продолжалось, но больше года, да...

Плотничихе нравились подарки и украшения, ну и сам господин Ларен нравился, и я могла ее понять. Обаятельным купец оставался даже сейчас, а уж каким он был в тридцать лет... погибель девичья, не иначе.

Муж ни о чем не подозревал и сына принял как своего. Хотя глазки-то у мальчика были зеленые, ну да господин Ларен просто туда больше не заглядывал. Следить – следил, знать – знал, а на глаза старался не попадаться. И с плотничихой потом отношения прекратил, благо жена его опять в постель пустила.

Сын вырос, тоже плотником стал, господин Ларен ему даже помогал втихорца – там заказ, здесь клиент... не бедствуют. Сам сынок... да кто ж теперь знает, в курсе он, не в курсе – если мать сказала, так должен знать, если не сказала, так и не узнает. Жива ли?

Тоже, почитай, в прошлом году ушла. Возраст такой – в молодости чаще на свадьбы ходишь, в старости на похороны.

Я покивала. И принялась расспрашивать дальше. Так что там с привидением?

А вот так. Первый раз господин Ларен едва шею не свернул. Среди ночи появляется в его спальне нечто такое, белое, шепчет, руки тянет... уж насколько он храбрым человеком был, а только поневоле закричишь, выскочишь. Так и произошло.

Закричал, выскочил, оскользнулся, едва голову себе не расшиб впопыхах...

Купец рассказывал, а передо мной вставали картинки из его разума. Такое не просто вспоминают – переживают заново. Он и переживал.

Вот он спит ночью. Светлый ему хороший сон даровал, ни кошмаров, ни бессонницы. А потом слышит царапанье, скрежет, что-то такое... непривычное – и открывает глаза.

У открытого по летнему времени окна маячит белая фигура, больше похожая на клок размытого тумана. Тянет руки, стонет, но с места не двигается. Господин Ларен, не будь дурак, первым делом запускает в нее кувшином, а потом вскакивает с постели, кидается в коридор и кричит. Не «спасите-помогите», нет. «Все ко мне!!!»

Можно уважать старика, крепкий попался.

Нога на чем-то оскальзывается, едет, он едва не ударяется головой о перила лестницы, успевает ухватиться, но плечо и спину прикладывает все равно крепко.

Смотрели потом – думали, масло, ан нет, ничего не оказалось. Чисто, сухо... померещилось что спросонок, или нога подвернулась.

С тех пор призрак еще два раза являлся.

Все так же – стоит, руки тянет, стонет, холодно от него, гадко, противно...

Господин Ларен, не будь дурак, к магам кинулся. К придворному. Тот пришел, обошел дом и выдал заключение – нет никакого призрака. И не было.

А раз не с той стороны кто явился, значит, на этой шкодит. А раз так...

Поймать и разобраться!

Спорить с господином Акселем было сложно, и я кивнула, дожевывая последний пирожок. И поймаем, и разберемся.

– А с вашими домашними мне никак нельзя побеседовать? Со слугами для начала?

– Со слугами можно, а к родным я сейчас весточку отправлю. Пусть приедут, – кивнул господин Ларен.

Я подняла руку и покачала головой.

– Господин Ларен, ни к чему такое. Лучше я к ним съезжу.

– Тогда, Шайна, как поговорите со всеми, скажите. Я распоряжусь, экипаж заложат.

Вот за это я поблагодарила. И принялась беседовать со слугами.

Вырисовывалась интересная картина.

Все искренне считали, что призрак – покойницы-хозяйки. И так же искренне не понимали, чего она сюда явилась. С хозяином они жили рядком да ладком, если чего по молодости было, так по старости и следа не осталось, ссор между ними не было, погуливать господин Ларен к старости хоть и не бросил, но делал все по уму. Не любовницу завел, а приплачивал в одном «веселом доме», чтобы девочку только для него держали. И посейчас туда ездил...

Невыгодно для хозяйки? Ну тут как сказать, промысел этот давно известный, у такой девочки может быть по два-три клиента, но пока они за нее платят, живет шлюха не так плохо. Может и денег скопить на дальнейшее, если ума хватит, а то и выпросить домик или хотя бы комнатку. Есть в Алетаре и такие дома, на шесть-восемь семей, есть...

Дурная болезнь? Нет, господин Ларен Аксель и по этому поводу мог ничего не бояться. Указом Короны раз в месяц всех девочек отправляли на обязательное и бесплатное обследование в лечебницы. Вот лечение, если что, было уже платным. А обследование – нет.

Лекарям практика, девочкам польза.

Что самое забавное, король распорядился, чтобы девочками из борделей занимались только дорогие лекари. Им и клиентов лечить, если кто чего прошьляпит, им и практики побольше, а то если одного больного в месяц лечить, да за большие деньги, так мастерство не прирастет.

Но это дело уж другое, лекарское. Важно, что если госпожа Аксель о борделе и знала, то не возражала. Глупые женщины к каждому столбу ревнуют, умные к этому иначе относятся. Чай, и собачка ногу на столбик задирает по нужде, что ж теперь – все столбы выкопать?

Так что жили хозяева ладком. Не с чего ей теперь приходиться, ничего такого не случилось в доме.

Дети?

Да и с ними хозяин не ссорился.

У дочки своя семья, зять помогает вовсю, у сына свой дом, он тоже с хозяином торгует, правда, больше не по редкостям, а по простому чему, та же шерсть – товар постоянный. Много не заработаешь, так и в убытке не будешь, коли знать, когда привезти да кому продать. Если господин Ларен – орел, то господин Тайрон, это сын, скорее, муравей. А только и первому, и второму уютно, и оба кушать хотят.

Зять?

Господин Лайл тоже купец, не из глупых, они с господином Тайроном как раз вдвоем и смогут господина Ларена заменить, не иначе. Один слишком рисковый, второй избыточно осторожный, а вместе – сила. И сами о том знают. Семьями дружат, домами...

Идиллическая картина.

Но кто-то же решил убить господина Ларена?

А вот зачем?

Зачем убивают купцов, стариков, дедушек... да обычно причина простая. Деньги.

Но вроде бы у обеих семей дела хорошо идут?

Надо съездить и разобраться.

Семьями я решила не ограничиваться и попросила у господина Ларена список партнеров-конкурентов. Получила его, проглядела, пожала плечами.

Так вот вышло, дела господин Ларен вел честно, прибылью делился по совести, и кто на него может обижаться, просто не предполагал. Вроде как не было таких, сильно оскорбленных. Но мало ли что? Мало ли кто?

Хотите, госпожа Истар, так проверьте.

Это я и собиралась сделать.

* * *

Господин Ларен предоставил мне в пользование карету и черкнул записочки к своим детям. Пришлось ехать.

Подумав, я начала с дома господина Лайла.

Лайл Корниш – подлысоватый сутулый мужчина лет сорока, сероглазый и русоволосый, купец не из великих, но и не из мелких – как раз оказался дома. Дома были и его жена с дочерью.

Мужчина прочитал записку, осмотрел меня, хмыкнул...

И почему я никому не нравлюсь? Как женщина – вопрос отдельный, вот и этот подумал, что на сеновале со мной в самый раз. А как расследователь? А как расследователь я небось через сеновал и прошла.

Обидно.

Я так же мысленно пожелала господину Лайлу окончательно оплешиветь и принялась его расспрашивать. Увы – безрезультатно.

Тестю он зла не желал, наоборот, желал дальнейшего процветания. Такое редко бывает, но господин Аксель не самодур, работалось им втроем хорошо, хоть господину Лайлу, хоть Тайрону Акселю, хоть старшему Акселю. И работалось, и прибыль шла. Лайл, хоть он мне и не нравился, дураком не был и понимал, что рисковать надо умеренно. А что сам иногда меры не знал...

Меры не знал. Но о своей особенности был вполне осведомлен и ценил старшего Акселя как человека, который может держать себя в руках, а Тайрона – как хорошего приземленного... именно что муравья. Все просчитает и больше возможного не утащит.

Иногда такое и нужно. Отличный тандем, хорошая работа.

Силен не тот, кто вовсе без недостатков, а тот, кто свои недостатки знает и стремится их задавить. А достоинства развить. Господину Лайлу это удалось.

К примеру, сластолюбие – тоже оказалось одним из его недостатков, но в своем гнезде и птица не гадит. Если вначале на меня и поглядывали с интересом, то потом уже как на бесполое существо. Мало ли расследователей?

Это мне понравилось. Да и господин Лайл ничего против тестя, повторюсь еще раз, не замышлял. Про призрака знал и убедительно просил, как найду, сразу не сообщать начальству. А то у «призрака» явно две ноги лишние, переломать бы хорошо.

Уже узнав господина Ларена, я пообещала это с чистым сердцем. И совесть меня не мучила. За покушение на убийство вообще-то смерть полагается, так какая разница? В тюрьму за казенный счет, на эшафот убийцу и на тележке прекрасно доведут, а там ползти недалеко.

Найдя таким образом взаимопонимание с господином Лайлом Корнишем, я побеседовала и с его женой и дочерью.

Жена... да, не в господина Ларена она пошла, это точно. А вот в кого?

Сам Ларен был сухощавым и жилистым, супруга у него была тоже достаточно стройной до последних своих дней, а вот дочка...

Мысленно я оправдала сластолюбие господина Лайла. И то сказать, на подушке спать приятно, но спать же! А не баловаться!

Сколько ж надо лопать, чтобы быть таким правильным шариком?

Там не корсет надо заказывать, а кованые латы, они авось чего и удержат.

Внучка пока еще не раздалась в стороны, но я понимала, что к этому и идет.

И умом жена Лайла пошла не в отца. Потому что все мои вопросы обильно орошались слезами, соплями, заедались сладостями и приправлялись жалобами.

На мужа, на жизнь, на полноту...

Неправильный обмен веществ, такая беда...

Ага, неправильный. Если плюшки-то целый день лопать и дома сидеть – при мне восемь штук слопала, мне бы на весь день хватило, а госпожа Корниш и второй поднос приказала принести и его начала ухаживать!

Каждый человек талантлив по-своему, это уж точно. Эта дама талантливо кушает.

Ее дочка? Винта Корниш? А что тут скажешь? Обычная девушка лет восемнадцати. Старше меня, а мне кажется, что она младше, вот ведь как. Не маг разума, просто обычная девчонка, любящая, любимая, избалованная донельзя, переживающая за деда...

Нет, этих вычеркиваем напрочь. Но со слугами побеседуем для очистки совести.

* * *

Слуги Корнишей пели в один голос. И не ввали веди, ни слова не ввали!

Да, хозяин погуливает, о чем хозяйка и не подозревает. Тесть – тот знает, вместе и погуливали, но поскольку у зятя то же отношение, что и у самого Ларена, что ж не помолчать? Кажется, они даже девушек снимали на двоих... нет, не в том смысле, что вдвоем одновременно, а просто в один день – один, в другой день – второй. Ну да не нам господ судить.

Жена для господина Лайла – это неизменное, дом – это святое, дочь он любит до безумия, даже замуж выдает за благородного господина. Барон, хоть из небогатых, но девушку, кажется, любит. Слова дурного не сказал, даже пробует в чем-то будущему тестю помогать... Как уж потом будет – неизвестно, а сейчас вроде бы и неплохой человек-то? Хотя так судить сложно. Одно дело – улыбки, а другое – внутренность, какую еще после свадьбы покажет?

Тут я со слугами была полностью согласна. И, понимая, что ничего больше выцарапать не получится, отправилась к господину Тайрону Акселю.

* * *

Тайрон Аксель дома отсутствовал, и меня провели к его супруге.

М-да. Морская царевна?

Нет, не получится, та помоложе быть должна. Ну, значит – Морская Королева.

Надменная осанка, гордое лицо, словно выточенное из белого мрамора, темно-синие глаза, светлые волосы, убранные в высокую прическу, темно-синее платье, даже мне видно – дорожущее, туфли, веер, все в тон, даже обстановка в гостиной – и та вся в синих и зеленых тонах.

Единственное белое пятно – лицо госпожи. Точное, серьезное... а занавески приспущены. Знает, что стареет, и пытается молодиться.

На меня госпожа Сайарин Аксель поглядела как на гусеницу.

– Расследователь? Вы?

– Шайна Истар, госпожа.

Пресмыкаться я не собиралась. Женщина мне ужасно не понравилась, но это естественно. Нам редко нравятся те, кому не нравимся мы.

– Вы так молоды...

Неодобрительно, с оттенком презрения. Ну... получи ежа под хвост!

– Молодость проходит с годами. А ум от возраста и вовсе не зависит, госпожа Аксель.

Скромный намек.

Может, ты и была графиней. На здоровье. Но сейчас ты жена купца, и только-то. Не стоит драть нос перед теми, кто стоит на одной ступени с тобой.

Температура в комнате словно бы упала еще на пару градусов.

– И не слишком хорошо воспитаны, девушка.

– Да я и не настаиваю, госпожа Аксель. – Я невинно развела руками. – Можете со мной не беседовать, так и доложу. И начальству, и свекру вашему. Дело житейское, не нравлюсь я вам, глядишь, еще кого пришлют в ваших симпатиях разбираться.

Этот подход не понравился даме намного больше. Я-то ладно, а вот свекор может и не понять юмора. Письмо от него есть, побеседовать просит, значит, он считает меня достойной, а невестка – нет? Ну раз так, пусть сама и зарабатывает, деньги-то не у нее в руках.

Мысли эти лежали у женщины на поверхности, даже читать не надо. Собой она владела неплохо, но не против мага разума. Хотя ее мысли действительно было читать чуть сложнее.

Я прищурилась, взгляделась...

Ах вот оно что!

Маги немного, но отличаются от людей, это я поняла уже в Алетаре. На себе не заметишь, а вот на той же герцогине Моринар все претотлично видно. Словно солнышко глубоко внутри.

Человека как облако окутывает, а у магов сквозь него, в самом центре, в районе живота, солнышко светит. Яркое-яркое, и от него как лучики бегут по всему человеку. А эта дама... нет, она не маг. И солнышка у нее нету, но кто-то из ее родственников был магом.

Это в крови осталось, но вот пользоваться она своими способностями не умеет, вообще. Читать ее чуть сложнее, и только-то. Магом чего, интересно, был кто-то из ее родных?

Ладно, сейчас это не важно. И я принялась расспрашивать.

Увы, впустую.

Ничего-то дама не знала, про призрака была не в курсе, и вообще – ей это было не особо интересно. Она искренне полагала, что свекор просто сдурьма ночью проснулся, да и напугался. Или облако какое за окном помаячило, или приснилось что-то не то, диету соблюдать надо, а не лопать все подряд, как глупая утка.

Старшего ее сына тоже дома не было, он мотался по делам, а с младшим сыном я побеседовала. Не могу сказать, что господин Сиртан Аксель меня впечатлил. Слишком уж он в мать пошел, чересчур изнежен, воспитан, и кроме того...

Аристократ, который изображает из себя купца, – нелеп, купец, который изображает из себя аристократа, выглядит и того глупее.

Кто покушался на деда, парень не знал, кому это понадобилось – тоже, да и кому нужен купец? Ладно бы на аристократов покушались, а то на простонародье?

Я фыркнула и попрощалась с мальчишкой. Ничего-то он не знал, и знать не хотел.

Дочь Сайарин Аксель, Линдарин Аксель, как раз была у матери в гостях. Вот она, кстати, мне понравилась покамест больше всех.

Невысокая, с дедовскими ярко-зелеными глазами, совершенно не строящая из себя невеста что. Обычная купеческая дочка, хваткая, умненькая, практичная... такую бы и готовить себе в приемницы. Но когда я намекнула молодой женщине об этом, та только развела руками.

– Дело наше купеческое не такое, чтобы женщин слушали. Есть исключения, да, но мы больше как-то в доме, с детьми, а уж делами мужья ворочают.

– Ну, вы-то могли бы. Я же вижу – если кто в деда пошел, так то вы.

– Дедушка тоже так считает, – улыбнулась Линдарин, блеснув зелеными глазами. – И мужа моего натаскивает потихоньку, я замуж удачно вышла.

Это верно, удачно.

Парень из своих, из купеческих: рукастый, головастый, небогатый, что верно, то верно, зато голова отлично соображает. Встретились два огонька – пламя и вспыхнуло.

Линдарин явно любила своего супруга и насчет «не заниматься делами» кривила душой. Ой кривила. И полезет, и советы давать будет, и вникать во все будет, только впереди будет всегда стоять ее супруг. А Линдарин будет заниматься домом и детьми.

Но если что-то случится – все нити окажутся в ее цепких пальчиках. И выдрать их оттуда никто не вырвет, девочка умненькая. Из тех, которые понимают, что любовь – прекрасное чувство, но на колбаску к столу еще и заработать надо.

– Кто мог бы покушаться на вашего деда?

Вопрос я задавала впрямую, и Линдарин ответила так же.

– Ума не приложу. Никому это впрямую не выгодно.

– А не впрямую?

– Не знаю. Я уже думала об этом. Смотрите, Шайна. – Линдарин взяла перо, лист бумаги и быстро изобразила мне чертеж, напоминающий перевернутое дерево. – У дедушки сын и дочь. Когда его не станет, дело останется, основные суммы там вложены в грузы, в корабли, в другие дела их не вытащишь. То есть на руки совсем мало получится, поэтому дед распорядился так. Мы с мужем к нему переезжаем жить, дом нам достанется... я бы хоть сейчас переехала, честно говоря, я за него волнуюсь, да Винта будет против.

Винта... Винта Корниш, ага.

– А почему?

– Ох, мне мама все уши прожужжала, – картинным жестом схватила за виски Линдарин. – Давайте я сначала про завещание, а потом уж о семейных дрязгах?

Определенно, мне нравилась эта женщина.

Так вот, по смерти Ларена Акселя, состояние не делилось. Оно полностью переходило к его сыну Тайрону Акселю. С условием.

В семейное дело он обязательно принимал Лайла Корниша и мужа Линдарин, Сента Гролла. И прибыли-то делились так же на троих. А там уж...

Я подумала, что Ларен Аксель все сделал правильно. Глядишь, со временем и перейдет дело к мужу его внучки, если тот себя поведет правильно. Опыта наберется, связей, свой капитал, опять же, прирастит... Но уточнила:

– А ваш старший брат?

– Он вроде дяди Лайла, – кивнула головой Линдарин. – Таймар хороший, умница, но без фантазии, понимаете, Шайна?

Я понимала.

Талантливый исполнитель дело вести не сможет. Завалит все. Нужен кто-то первый, а кто-то второй. Сейчас вот рисковать будет Лайл, держать его за шкуру – Тайрон, а для баланса – дед. И для учебы тоже.

А там, глядишь, сменятся поколения, и вести дела дома Аксель будет Сент Гролл, а для баланса у него будет Таймар Аксель. Так, к примеру.

– А ваша двоюродная сестра? Она как?

– Вот так... она замуж выходит за обнищавшего барона. Мама мне все уши прожужжала, барон для нее тоже мезальянс, но уж купец-то вовсе кошмар. А мне та знать и даром не нужна, чтобы на меня всю жизнь сверху вниз смотрели, а от моей родни нос воротили? Насмотрелась, спасибочки!

Я кивнула.

Есть такое. Благородный человек будет обращаться даже с прачкой как с королевой, быдло поведет себя с королевой как с прачкой, а уж в какой семье родилось то быдло...

Кто-то всерьез думает, что раз колыбелька с гербами, то и душа тоже благородная? Воспитывать надо! Вос-пи-ты-вать! Иначе такое вырастет, что и на уши не натянешь.

Пока я разговаривала с Линдарин, за ней приехал муж. С Сентом Гроллом я тоже поговорила. Мужчине мне понравился. Умный, серьезный, жену любит, и сейчас он учится. Он хоть отцу и помогал, но там объемы в торговле совсем другие, и деньги другие, и товары... везде свои тонкости есть. Одно дело сбывать кожу сапожникам, другое – шелка аристократам. Разница есть, и она определяет многое.

Ларен Аксель – это имя. Его дети покамест продержатся на его славе, а там, кто знает, и новая смена подрастет?

Что ж, честолюбие – это неплохо. Гнили и грязи я в мужчине не увидела, и мне это понравилось. Что там с течением времени будет, не знаю, а пока жену он любит, аж светится при взгляде на нее, она его тоже любит, а мамочкины взгляды молодые дружно игнорируют.

– Переезжали б вы, правда, в дом к господину Ларену, – дала я совет Линдарин. – Пусть пошумят, потом успокоятся.

– Вот, сразу же после свадьбы Винты и... – кивнула Линдарин. – Дедушка не хочет пока скандалов...

Дедушка... Ты пока скандалов не хочешь. А твоя двоюродная сестра способна их закатывать без перерыва на сон и еду, достанется неизвестному барону сокровище, хоть ты из дому беги!

Пока мы разговаривали, подтянулись и Тайрон Аксель с сыном Таймаром. И я смогла сама убедиться в правдивости слов Линдарин.

Муравьи.

Неглупые, трудолюбивые, старательные работяги. А что крыльев нет и неба не видно... так и к чему оно муравью? У него свои дела, свои заботы... впрочем, Тайрон искренне любил отца и очень просил меня разобраться. Плевать, девушка я там, женщина, да хоть бы и Темный лично. Главное, чтобы с отцом ничего не случилось, а остальное – детали.

Кто мог?

Тайрон честно пытался придумать, но потом покачал головой. Из него я вытрясла на всякий случай список деловых компаньонов, которые по той или иной причине остались недовольны партнерством, сравнила этот список с тем, который дал мне господин Ларен, потом с тем, который мне дал господин Лайл... И вздохнула.

Поле непаханое, иначе и не скажешь.

Сначала надо расспросить тех, кто совпал во всех трех списках, потом тех, кто указан кем-то одним... ох и работы!

А что делать, если здесь я никого не нашла?

Слуг расспросила – и тоже без всякой пользы.

В доме Тайрона они разговаривали менее охотно, но все же я узнала, что хозяйка – вобла мороженая, что хозяин погуливает, уйти от нее не уйдет, но и любви там уж давненько нет, просто живут вместе. Что хозяйка детей пилит – мол, в вас половина благородной крови, а ведете себя как купцы, – среднего сына любит, старшего не особо, слишком на отца похож, дочь гнобит за неудачный брак, кузину в пример ставит...

Семейных тайн семейства Аксель я за это время узнала много, а до сути-то и не добралась.

Стояла посреди улицы и думала. Вот сколько я сегодня народу опросила, а искомого не нашла. Оказывается, и магия разума помочь не всегда может?

Хорошо, когда негодяй к тебе на глаза лезет. А коли нет? Вот что мне теперь делать?

А что тут сделаешь? Завтра будем ходить по купцам и опрашивать недовольных сотрудничеством с Акселями, другого выхода нет. Не расписываться же в собственной беспомощности?

Ну уж нет! Я сдаваться не собиралась! Найду я того, кто покушался на купца, никуда негодяй не денется!

* * *

К вечеру третьего дня я сама была готова убить господина Ларена. Чтобы не мучиться. Не было, вот понимаете, не было тех, кто хотел его убить!

Вообще!

Товарищи-купцы его не то чтобы недолюбливали, скорее, уважали, как зубастого хищника, но убивать? Нет, это даже и вовсе ни к чему! Какая может быть прибыль с убитого? Вот с живого еще можно свое поиметь, а с мертвого что? Убытки одни.

Я не скажу, что все относились к господину Ларену именно так, были те, кому он не нравился, были те, кто ему симпатизировал, была даже пара купцов, которые с радостью бы убили его. Но – не убивали! И не нанимали!

Вот ведь засада.

Начальству я два дня подряд отчитывалась в отсутствии результатов. Никому не была нужна смерть господина Ларена, никому. Но кто-то же на него покушался?

На четвертый день господин Каллен швырнул в меня протоколом.

– Господин Ларен в лечебнице. Лекари опасаются за его жизнь.

– ЧТО?!

* * *

Что случилось ночью – никто не знал, но господина Ларена обнаружили у подножия лестницы. Он лежал весь замерзший, едва дышал... кто бы ни был убийца, а добить старика он не решился. Хоть тут повезло.

Магических следов на месте преступления не обнаружено, сам королевский маг там побывал и заверил, что магия отсутствует... амулеты есть, а вот активного воздействия на человека – нет. Маги тут ни при чем.

В остальном же...

Переломы, четыре штуки, травма головы, сильнейшая простуда... лекари не уверены, что смогут его вытащить, так-то. И его смерть будет на моей совести. Я не нашла того, кто покушался на старика, я, и никто другой. Может, кто-то из расследователей и справился бы с этим, а я...

Дура сопливая!

Маг разума недоделанный...

Глаз я от паркета так и не оторвала. И молча выслушала все, что мне имел сказать господин Каллен.

Сопля зарвавшаяся, дуреха, могла бы и головой подумать, одна удача не означает, что везти будет всегда, работать надо, а не юбкой махать...

Было обидно. И вдвойне обидно оттого, что господин Каллен так не думал.

Не совсем так.

Он считал, что я кого-то упустила, да. Но в то же время решил, что этот случай подходит для моего вразумления. А то много о себе понимать стану, разболтаюсь, загоржусь. Надо профилактически девчонку носом в землю потыкать.

Когда он выдохся, я вежливо уточнила, можно ли мне идти, продолжать заниматься этим делом, и была послана к господину Ларену. Разбираться.

И я – разберусь.

Не знаю, кто решил покушаться на старика, но я доберусь до этого неизвестного. И для начала – пройду по слугам, а потом опять по родственникам.

* * *

Проходиться не пришлось. Мне повезло, вся семья собралась у господина Ларена. Все переживали, нервничали...

Мое появление подхлестнуло перебранку и вывело ее на новый уровень.

– Добрый день, дамы и господа, – поздоровалась я. И получила в ответ и презрительные взгляды, и злые, и даже один выкрик.

– Добрый день, госпожа Истар, – это господин Лайл и господин Тайрон, чуть ли не в один голос.

– Что вам здесь надо? – госпожа Корниш.

– Только ищеек нам тут не хватало, – госпожа Аксель.

– Уберите ее отсюда! – это Винта Корниш.

Сидит на банкетке, рядом с ней устроился ничем внешне не примечательный молодой человек, но при шпаге с гербом. Глаз скользнет, не зацепится. Среднего роста, среднего телосложения, русоволосый, сероглазый, но улыбка обаятельная. Идеальный человек из толпы, которого замечают только тогда, когда он сам захочет.

Дворянин.

Не тот ли обнищавший барон, за которого должна выйти замуж Винта Корниш?

Я откашлялась.

– Дамы и господа, я прошу прощения и понимаю, сейчас вам не до моих вопросов. Но все же хотела бы побеседовать с каждым из вас повторно.

– И это сейчас, когда мой отец борется за жизнь! – заломила руки госпожа Корниш.

– Не переигрывайте, – поморщилась госпожа Аксель.

– Да что ты можешь понимать, вобла мороженая!

Скандал разгорелся моментально. Словно в огонь горячей жидкости плеснули. Тут дамы все друг дружке припомнили: и какой-то вечер, и дочек, и женихов, и происхождение, и даже кружева с какой-то юбки...

Я молчала и слушала. И смотрела.

А потом скользнула к господину Акселю и коснулась его руки.

– Господин Аксель, можно поговорить с вами, с господином Корнишем и с тем молодым человеком?

– Это поможет? – Тайрон Аксель не стал тратить время на скандалы.

Я кивнула.

Да, это поможет. Раньше бы мне, идиотке...

Правильно меня господин Каллен честил, дура и есть. Сопливая и самонадеянная.

– Хорошо. Уходите и ждите нас в отцовском кабинете. Знаете где?

Я кивнула. Я знала.

Господин Аксель и не подумал прерывать дам, себе дорожке встанет. Вместо этого он сделал три шага, оказался рядом с господином Лайлом и коснулся его руки. Что-то сказал, Корниш тоже поднялся, подошел к будущему зятю и заговорил. Тихо, так, что я слов не слышала.

Примерно могла видеть.

Надо выйти, нужна ваша помощь, это важно...

Какие же молодцы!

Я потихоньку вышла за дверь и направилась в кабинет.

* * *

Долго мне ждать не пришлось. Трое мужчин появились и пяти минут не прошло. Я уже сидела в углу кабинета, на диване, и улыбалась.

– Добрый день, господа. Еще раз... вы не представите мне этого многообещающего молодого человека?

Аксель и Корниш переглянулись.

– Алвер? – это Лайл Корниш.

– Госпожа Истар, это достопочтенный Нейш Алвер, – Тайрона Акселя такими мелочами было не пробить.

– А еще он маг воды. Слабенький, правда, почти никакой, – кивнула я. И покачала перед собой первым попавшимся камушком из своих амулетов. Попался, кстати, серый кошачий глаз. Подмигнул вертикальной полоской, закачался на шнурке, отблескивая осенним серым водоемом.

Купцы переглянулись.

Господин Алвер занервничал. Но сдаваться не спешил.

– И что?

– Если просто быть магом, так и ничего проблемного, – «успокоила» я. – А вот если покушаться с помощью магии на жизнь и здоровье человека, то это вы зря. Не надо было. Магов ведь не судят...

Это была чистая правда.

Мага, преступившего закон, казнили. В принципе. Сразу же после заседания суда, невзирая ни на какие мольбы и просьбы. Просто потому, что маг должен понимать – закон превыше всего.

Не соблюдаешь закон? Пожалуй на плаху. И никак иначе. Третьего не дано, иначе начнется хаос и развал.

Законы Раденора мне нравились, и я тщательно следила за тем, чтобы их не нарушать. А вот господин Алвер решил, что не попадет. И кто сказал подлецам, что они самые умные? Или это такой закон равновесия? Подлость обязательно дополняется самонадеянностью? Возможно...

– Бред собачий.

– Разве? – мурлыкнула я. – Вы – маг воды, слабенький и хилый, но на воздействие вас хватило.

– Так почему не на самого Ларена? – барон не собирался признаваться. – Я б ему воду вытянул из тела, тут и смерть. К примеру...

– Во-первых, – ответы мне легко было извлечь из его разума, – не факт, что у вас хватило бы сил. Маг вы плохонький, я уже это говорила, а человеческое тело само по себе сопротивляется воздействию. Это не из глины лепить, из железа. А поплавить его – у вас силенок не хватило бы, надорветесь. Не та у вас сила, ой не та.

Глаза мужчины блеснули ледяным холодом.

– Допустим. А во-вторых?

– Вы же знаете, что господин Ларен Аксель всегда носил на себе пару амулетов. Как и любой торговец редкостями, он слишком часто сталкивался и с недобросовестными покупателями, и с такими же продавцами.

И снова я не врала.

Подобными артефактами в Алетаре торговали многие маги. Брался камешек: в случае с магами воды – жемчуг, маги воздуха предпочитали хрусталь, маги огня – обсидиан, маги земли равно хорошо работали со всеми камнями. И на него накладывались заклинания защиты. От воздействия конкретно этой стихии.

Дальше получалось стенка на стенку. Если маг сильный, он мог преодолеть воздействие камня, если маг слабый – владелец амулета мог и не заметить, что на него кто-то воздействовал.

Обычно камень носили прижатым к коже, и для удобства кожевники давно освоили браслеты.

Камень шлифовался до плоской формы, покупался браслет с гнездами внутри, камень вставлялся в гнездо, браслет надевался на запястье. Так удобнее, чем на шее. Камень плотно прилегает к коже, владелец может вообще о нем забыть.

Некромантия, магия жизни, магия разума...

Чтобы защититься от них, нужен маг той же стихии. Хотя лично я не собираюсь заговаривать ни для кого талисманы.

Но если что – предпочту алмаз. А если денег не будет, так и не надо, что забавно, лучше всего мою магию принимает обычный уголек из костра. Только разрушается быстро, хрупкий очень...

Господин Алвер тем временем пожал плечами.

– И это не доказательство.

– Да неужели? – Я улыбалась. Мне нужно было «раскачать» его, вывести на эмоции, чтобы он хотя бы подумал о своем замысле. Маги хуже поддаются воздействию, намного хуже. И читать их сложнее. А уж прочесть так, чтобы маг ничего не почувствовал, – и вовсе неподъемно. – А рассказ о вашей подлости вас не устроит в качестве доказательства?

Я-то справилась, но знаю пока еще не все.

Так что... поговорим.

– Чушь какая, – продолжал упираться барон.

– А вот я бы послушал. – Господин Тайрон Аксель подпер дверь. А куда девался Лайл Корниш? Не знаю, но продолжу.

Пока – продолжу.

– Господин Алвер у нас из дворян. Обедневших, правда. Из тех, что ведут свой род задолго до Александра Проклятого, – голос у меня стал тихим, низким, даже бархатистым, как у хорошего сказителя. – А вот приспособиться к новым временам Алверы не сумели. Магия в роду, спесь, фамильная гордость... много было причин, по которым служба на благо государства почиталась Алверами где-то даже и позорной. Вот и обнищала фамилия донельзя. До того, что пришлось жениться на купчихе.

– Мезальянс, – хмыкнул господин Аксель.

– Я Винту просто люблю! – вскинулся парень.

– Любите, – согласилась я. – Внучку купца Ларена Акселя вы любите и подтвердите это перед любым артефактом. Только не ту. Вы любите Линдарин Аксель.

– Что? – ахнул отец Линдарин.

Я пожалала плечами.

– А что удивительного? Если сравнивать Винту и Линдарин... да можно ли их вообще сравнивать? Вы искренне считали, что Линдарин взяла все самое лучшее от матери и деда, такая жена не опозорила бы вас, не расплылась бесформенной тушей, уж простите, господин Аксель, смогла бы подать себя в свете... да много чего. Одна беда – Линдарин уже замужем.

– Вот! И зачем бы я все это начал крутить? – хмыкнул барон. – Мне-то невыгодно... я еще даже не женат, хоть тут все умри...

– Во-от, – подняла я палец. – Именно! Вы пока еще никто, и поэтому смерти должны были начаться уже сейчас. И первыми в списке стояли Ларен Аксель и Таймар Аксель.

– Мой сын? – удивился Тайрон. – Но почему?

– Потому что он ваш сын, – я пожалала плечами. – На Корнишей пока покушаться нельзя, свадьба отменится. А вот умри патриарх семейства – и дела придется принимать вам, господин Аксель. Это потребует времени и сил, вам будет не до пригляда за... пусть за зятем. Да и господину Лайлу тоже. Умри ваш сын – и опять начнутся проблемы. Кого тут еще вводить в курс дела? Да зятя. Умный, услужливый, серьезный юноша. Тут-то он себя и проявит с лучшей стороны.

– Бред.

Я даже и не подумала препираться с бароном.

– Мужа Линдарин вы тоже списали в расход. Скажите, господин Аксель, на вас есть защита от магии?

– А то как же? Дела ведем разные.

– А у Винты? У Линдарин?

– У девочек точно нет. И у сестры нет, я знаю. Дорого, да им и ни к чему.

– Во-от. И у вашей жены тоже нет, я вижу. Хотя ее оставили бы в живых, с ее любовью к титулам Нейш нашел бы в ней замечательного единомышленника. У Таймара защита есть, но господин Нейш Алвер уже придумал, как это можно обойти. С господином Лареном сработало. Слабенький маг воды может сгустить туман в комнате у старика и напугать его «явлением призрака». Может превратить воду в лед. И поскользнется кто угодно, не то что пожилой испуганный человек, который бежит, спасая свою жизнь. И особо не думает ни о чем. А что еще интересно – эта магия направлена не на человека, а рядом. Около него. И слабенькая, хиленькая, не разберешь, потому придворный маг ее и не почувствовал, амулеты все перебили. Вы, Нейш, в саду стояли, правильно? Через окна все видно, они большие, красивые... А вот войти в дом и добить вы уже не решились, достопочтенный, боялись, что вас увидят или следы останутся.

– Значит, так отца и довели, – кивнул своим мыслям Тайрон Аксель.

– И примерно так же планировали разобраться с вашим сыном и зятем. Постепенно, без суеты. Сначала с сыном, и вы стали бы волей-неволей вводить Нейша в курс дел. Торопиться ему было особо некуда, план на несколько лет рассчитывался, правда, Нейш?

– А чего мне тянуть-то было? – Мужчина улыбался. Нехорошо, гадко...

– Так ведь Аксели не морковкой с воза торгуют, хотя и там свои тонкости есть. Пока переймешь дело, пока все тонкости поймешь, пока разберешься, кто и в чем завязан, тут пара лет и пройдет. Опять же, если на семью мор нападет, оно не ко времени. Кто-то да заинтересуется. А если все постепенно... старик умер, потому что стар, Таймар – по чистой случайности, а там, через годик, Винта, к примеру, помрет во время родов, ее мать жива останется, а ваш тесть – нет. Когда живешь в одном доме с человеком, сложно ли браслет подменить? К примеру? Хотя бы на пару часов, чтобы воздействовать, а покойнику можно и обратно амулет вернуть, пусть потом с ним и хоронят.

Нейш все так же улыбался.

– Занимательная история. И что с того?

– Я считаю, что вы виновны, и представлю все документы в суд, – просто ответила я.

– А доказательства? Я ничего не признаю и не собираюсь признавать, – барон Алвер уверенно отпирался, он был уверен в своей безнаказанности. И верно, даже поставь его перед судом, он сможет покрутиться. Ох сможет. И вывернуться тоже сможет.

Поэтому...

– А доказательства найдутся. – Я оскалилась уже всерьез. – Не может такого быть, чтобы ничего не было.

Я без труда считывала поверхностный поток мыслей. Человек может не говорить правду. Играть словами, отрицать, изворачиваться. Но не думать он не может.

– Вы же маг слабенький, надо было усилители покупать, и выбрасывать их вы не стали. И найдутся они в ящичке вашего стола, том самом, который открывается, если нажать на голову пуделя и повернуть...

Вот теперь Нейш побледнел.

– Усилители – не доказательство.

– Но вы там ведь не только их держали, – чарующе улыбнулась я.

– Сука!

– Считаю комплиментом, – отозвалась я. – Таких тварей, как ты, отслеживать одно удовольствие. И в переулке тебя видели, кстати. Мне время потребовалось, чтобы найти ту нищенку, которой ты кинул монетку и пригрозил прибить, если не уберется. Она там часто подбирается.

– Надо было и правда убить, – прошипел Нейш Алвер.

– Ты опоздал это сделать. Ты – опоздал. Не будет тебе ни денег, ни Линдарин... ничего не будет, – добивала я. Холодно, расчетливо...

Дверь распахнулась. И один за другим начали забегать стражники, всего четыре человека. Лайл Корниш вошел последним.

– Тайрон?

– Да, Лайл. Это он, девочка все рассказала, а Нейш подтвердил.

– Хорошо, дочь за него выдать не успел, – отозвался Лайл Корниш.

Алвер медленно поднялся с места.

– Берегись! – успела крикнуть я. Но было поздно.

Маг воды – все равно маг, пусть даже плохонький.

А кровь – тоже вода. И человек – это вода...

В пальцах Алвера блеснул рубин на цепочке, и стражники просто повалились на пол.

«Сгусток крови», – подумала я как-то отстраненно.

Всего лишь сгусток крови, на таком расстоянии, чтобы сделать кровь более густой даже и сильно напрягаться не надо. А потом сгусток попадает в сердце – и все. Четыре трупа. Их уже никто не спасет, разве что оказался бы здесь маг воды.

Меня дернули за руку, к горлу прижалось что-то холодное.

– Дайте мне уйти. На виселицу не пойду!

– Отпусти девушку, – голос Акселя дрогнул.

У меня было меньше секунды на принятие решения. Либо я уйду с ним, и где-нибудь в коридоре сильно удивляю Алвера, либо действую прямо здесь.

Но где гарантия, что он не убьет меня прямо за дверью?

Он так и собирается сделать – меня никто не отпустит, убьет, как только будет возможность. Сейчас он выйдет в коридор, дойдет со мной до ближайшего окна, а там... меня по шее ножом, сам в окно – и ищи ветра в поле.

Успею я его остановить в коридоре?

Рисковать я не стала. Пальцы скользнули по браслету на запястье.

– Нейш!

Имя – якорь. Зная имя, маг может многое сделать с человеком, недаром я называюсь не Айшет, а Шайной.

Алвер застыл на долю секунды, и мне этого хватило с лихвой.

– Опустит нож.

Рука с ножом опустилась вниз.

– Два шага назад.

Алвер повиновался, и я развернулась к нему. В моих пальцах качался кристаллик горного хрусталя. Поделочный, не особо чистый, выломанный из друзы...

Мне хватит и такого.

– Смотри на кристалл. Твои веки тяжелеют, ты расслабляешься, ты в безопасности. Ты успел сбежать, ты среди друзей, ты спокоен... спокоен... спокоен... ты спишь, спишь, спишь-ш-ш-ш...

Последнее слово прошуршало змеиной чешуей по листьям, вползло в разум Алвера, проскользнуло внутрь, мелькнув на прощание змеиным хвостом. И мужчина откинулся назад, глаза его остекленели, потом сомкнулись, он опустился на ковер, свернулся клубочком...

Через две минуты на ковре оказалось пять тел.

Четыре трупа и один спящий негодяй.

Я опустилась рядом.

– Фу-у-у-у... Простите.

Тайрон Аксель оглядел побоище и подвел краткий итог:

– У нас большие проблемы. Лайл, тебя не затруднит позвать еще стражников?

Лайла не затруднит, он высказался в том смысле, что лучше бы гадину Нейша сразу бы... и... пока он спит, но...

– За час ручаюсь, если специально будить не будут, – тихо сказала я.

Из моих пальцев посыпалась на пол труха, в которую превратился кристаллик хрусталя. Серый мелкий песок, вот и все, что от него осталось.

Лайл от души высказался еще раз, развернулся и ушел за стражей. Я откинулась на кресло, благо стоит совсем рядом и ножки у него приятно холодные.

Тайрон Аксель смотрел с непонятым выражением. И я поняла, проглядывая его мысли, – подозревает.

– Какой вы магией владеете, госпожа Истар?

– Я знаю того, кто владеет магией, – просто отозвалась я.

– А сами...

– Все было у вас на глазах. Я знаю, что сказать, а сила была из хрусталя.

– Хм-м... мы можем вернуться к этому разговору позднее?

– Вполне, – согласилась я. – Только на многое не рассчитывайте, маг – человек весьма несговорчивый.

– Два человека ради своей выгоды всегда договориться смогут, – улыбнулся купец.

Я еще раз кивнула, подтверждая договор.

В комнату бодренько входили стражники.

* * *

День получился жутким.

Сначала мы сдали убийцу в стражу. Там на него нацепили специальные наручники, противомagicеские. Потом поняли, что дело касается дворянина, и решили сообщить во дворец. По инстанциям.

А это дело небыстрое, так что Нейш успел очнуться и теперь скрежетал зубами, сидя в камере. Не одиночной, кстати.

Как дворянину, ему полагалась отдельная камера на все время расследования.

Как убийце стражников...

Тут всякое бывает, но стража с такими не церемонится. Вот и сейчас, позабыв про дворянское достоинство, негодяя сунули в камеру с разбойниками. И перспективу Алвер отлично понимал.

Я ее тоже понимала.

Десятник, господин Керен, обращался со мной весьма уважительно, но ему хотелось побыстрее меня спровадить. Чтобы я шла домой, писать бумажки и не лезла в его дела.

А за ночь...

Жить-то маг воды будет. Но веселый вечер и ночь, в одной камере с любителями «повторять зады», которым было кое-что обещано за усердие в повторении, его не обрадуют. А потом пусть жалуется, сидя на колу, к примеру.

Палач – он все выслушает, у него работа такая. Психологическая...

Я в это вмешиваться заранее не собиралась.

Попрощалась со стражниками, еще раз выразила свои соболезнования, честно призналась, что не ждала такой наглости, но...

Я себя не прощу за эти четыре смерти. А вот стражники меня уже простили.

Не было в их разумах осуждения, вот вообще не было. Сочувствие, понимание, сострадание... не обвинение, нет. Злость еще была. На обстоятельства, на убийцу.

Не на меня.

А ведь я должна была предвидеть, подумать, понять...

Я – маг разума.

Паршивый маг, если уж на то пошло, весьма паршивый...

Я должна была это предотвратить. Эти четыре смерти на моей совести, не на чьей-то. Убивал другой человек, но я его спровоцировала, я его вывела из себя, я хотела получить признание. И пусть его казнят, себя я винить не перестану.

Для стражников это работа, идя на службу, они знали, что могут не дожить до старости, что Корона позаботится об их семьях, что Корона выучит их детей и будет платить пенсию женам. Но разве от этого легче? А если еще и господин Ларен умрет...

Дура я, дура. И куда только лезу?

Я вышла из караулки и вздохнула полной грудью.

Ветер нес с моря запах соли, водорослей, рыбы...

Ветер крепчал, ветер развевал мои волосы, и мне вдруг так захотелось к морю, пройтись босиком по песку, по воде...

Успею?

Я поглядела на солнце, на небо...

Да, часа два до вечера у меня есть. Вперед, Шани! Вперед!

* * *

Море тихонько, как сонный котенок, мурлыкало вокруг моих ног.

Сонно покусывало пальцы, трогало мягкой лапкой щиколотки, проказливо тянулось к коленкам. Я подоткнула юбки повыше, связала шнурки сапожек и перебросила их через плечо. И шлепала ногами по воде, распугивая мальков. Те подплывали совсем близко, потом понимали, что мои пятки несъедобны, и уплывали обратно. Ветер шевелил мне волосы и постепенно выглаживал боль, уносил обиду и разочарование.

Легко воображать себя магом разума. Всемогущим и всезнающим. А вот разочаровываться в себе тяжело. Ох больно.

Сегодня я могла умереть. Умерли люди, а могла я...

Вдали белел парус корабля. А ведь мне надо узнавать про «Буревестника», надо...

Я поднялась с камня. Сейчас я пойду в порт, спрошу, не заходил ли «Буревестник», не собирается ли зайти.

Что-то не так с родителями. Что-то с ними не так, если они нас до сих пор не нашли и не догнали.

Пойду-ка я правда в порт. Все лучше, чем сидеть здесь и грызть себя.

* * *

Приключений на попу я нашла раньше, чем дошла в порт.

Двое бродяг, которые вышли из-за камня, лишний раз подтвердили мою мысль.

Не надо бояться леса, моря, берега... природа тебе зла не причинит. А вот человек – та еще тварь, от него любой пакости ждать можно.

Тут и магом разума быть не надо.

Их двое – я одна. Они мужчины – я женщина.

Здесь тихо, кричи, не кричи, никто ничего не услышит. Логика подонков для этого момента была проста и понятна. Мужчины разошлись, беря меня в клещи. В своих паскудных мыслях они уже поставили меня на колени, потом уложили на песок, в мыслях они меня уже и поймали, и зарезали, и выкинули в море.

Мыслями это и осталось.

Я ударила жестко и сильно, понимая, что медлить нельзя. Сила хлестнула плетью, стирая мысли, выжигая разумы...

Бродяги даже и понять ничего не успели. А глаза их уже остекленели.

Я не убивала, нет. Я просто... человеческий разум – это словно комната, в которой на полках лежат свитки. Их много, о большей части мы уже и позабыли, но они были.

А сейчас – сейчас в этой комнате вспыхнул пожар.

Бумага прекрасно горит, если что. И эти двое теперь просто чистые листы. Ни знаний, ни умений, ни навыков... или кто-то их обучит заново, или убьет.

Меня это волнует?

Нет. Они хотели изнасиловать и убить меня, почему меня должна волновать их судьба? Вовремя убитый подонок – спасены другие жизни.

Я прошла мимо, даже не оглянувшись на своих жертв. Да и Темный с ними.

* * *

– Ваше величество, всплеск!

– Вот как? Где?

– За городом, ваше величество, точнее установить не удалось.

Эрик кивнул.

Маг разума – это хорошо. Маг разума, который продолжает жить и действовать в Алетаре – еще лучше.

– Направление примерно есть?

– Да, ваше величество, туда уже отправлен отряд стражи.

– Замечательно. Потом доложите, что они там нашли.

Его величество Эрик не собирался натравливать стражу на мага разума, даже если они встретятся. Максимум – передать приглашение. А вот выяснить что-то о методах его работы, о самом маге...

Это важно. И нужно.

К примеру, маг земли может растить урожай или добывать алмазы. Маг воды может вытаскивать корабль, а может утопить. Зная цели мага, можно найти к нему подход.

А его величеству нужен был маг разума, очень нужен...

Глава 3

В порту было шумно, людно, суматошно, в общем – ничего нового. Кто-то грузит корабль, кто-то кричит, кто-то ругается, кто-то выгружает товары...

Суета и суматоха, но достаточно организованные.

Мне надо было в канцелярию, туда я и отправилась. Найти ее оказалось достаточно просто: белое двухэтажное здание, украшенное гербом Раденора и флагом в цветах королевства, закрепленным на крыше. Чтобы из любого места порта не промахнулись.

А вот в самой канцелярии со мной общаться явно не желали.

Чиновники всячески демонстрировали, что они тут делом заняты, а я явилась, отвлекая их, под ногами путаюсь... девушка, не пошли бы вы по своим делам в другое место?

Но главное они мне сказали.

И я отправилась в таможенный отдел.

Там регистрировались все приплывающие корабли. Процедура была одна и для всех: хоть ты дипломат, хоть ты торговец, хоть пират, скромно именующийся «вольным капитаном». Корабль – на карантинную стоянку. На пять дней, обязательно.

За это время корабль посещает маг, проверяя на магические воздействия, и таможенники, описывая привезенный товар и назначая пошлину за ввезенное добро.

По истечении пяти дней корабль переходит в погрузочно-разгрузочный док. Там груз отправляется на склад или сразу к купцу, который его заказывал, или... тут тоже много вариантов.

Потом стоянка, которая, кстати, оплачивается капитаном, погрузка или новый фрахт... и опять. Карантин на всякий случай, на те же пять дней, чтобы не выпускать из порта заведомо больных людей. В море-то ни мага, ни толкового лекаря, помочь некому будет. Ну и таможня...

Порядки в Раденоре драконовские, но люди сильно не ворчат. Его величество таких ворчащих не понимает и может разьяснить свою позицию. К примеру, запретом на посещение Алетара.

Что важно для меня – ведутся записи о всех кораблях, которые есть в порту.

– «Буревестник»? – посмотрел на меня таможенник.

– Да.

– Есть такой... Дайте посмотреть... ага. «Буревестник». На карантине.

– Прибыл или отплывает? – деловито спросила я.

– Отплывает с грузом зерна через три дня. Два дня он уже на карантине.

– А где он стоит?

Я без зазрения совести пользовалась своей бляхой следователя и правом задавать вопросы. Может, мне это для дела нужно.

Чиновник помялся, но ответил:

– Третий док, шестой квадрат.

Что это такое, я выудила из его разума. И даже примерное место расположения, и внешний вид «Буревестника».

– Благодарю вас.

– Вы хотите побеседовать с кем-то с корабля?

– Я убедилась, что они не могли быть на месте преступления. Этого достаточно, – махнула я рукой и попрощалась.

Сильно я на разум не воздействовала. Ни к чему. Но вот отвести глаза, чуть подтереть воспоминание об этой встрече... чтобы человек отвечал не «Меня недавно расспрашивала Шайна Истар, и ей это было важно», а, к примеру: «Да, кажется, меня кто-то спрашивал...

сто лет назад или упоминалось о корабле». Но так, мимоходом, словно это и не важно было. И не нужно.

Третий док, шестой квадрат.

Уже темнело, когда я добралась домой. И под негодующим взглядом Корса принялась жевать кашу. Больше дома все равно ничего не было.

– Ну и где тебя весь день носило?

– Лучше спроси, где меня будет носить ночью, – ухмыльнулась я.

– Где?

– Пойду узнавать, что случилось с нашими родителями.

– Шани? Ну-ка рассказывай, – не хуже клеща в попу вцепился в меня братец. Пришлось объясняться.

– Я не знаю, на какой корабль сели родители, но знаю, что трей Сирант хорошо заплатил капитану «Буревестника» за двоих людей. Мужчину и женщину. Я знаю, что «Буревестник» шел в Раденор. А мамы с папой до сих пор здесь нет...

Корс побледнел, словно я его мелом посыпала.

– И ты мне только сейчас об этом говоришь?

– А когда мне надо было сказать? – Я искренне не понимала возмущения брата. – Это же не факты, так, подозрения.

– У тебя? Простые подозрения?

– У меня, – вздохнула я. – Знаешь, магия разума решает далеко не все проблемы. Даже половину не решает...

Корс смотрел все так же обиженно, и я не удержалась. Притянула братца к себе, чмокнула в макушку, потерлась щекой о непокорные вихры.

– Солнышко, ну что я могла сказать? Вот если сегодня все выяснится, тогда мы поговорим уже всерьез. А пока... подозрения к делу не пришьешь.

– Ты уже говоришь, как расследователи.

– Мне нравится эта работа.

– Правда?

– Да. – И я не лгала. – Она жестокая, грязная, кровавая, но для меня – в самый раз. Мне нравится останавливать подонков и негодяев. Мне это нравится. А что не всегда получается – дайте опыта набраться. Я буду стараться. Буду очень стараться – и я справлюсь. Обещаю.

* * *

Корс не хотел отпускать меня одну.

Но... куда ему со мной? Как маг разума, я способна вывернуться там, где мы можем вляпаться вместе. С треском и блеском.

Довод разума был принят, и братик нехотя отпустил меня.

Я завернулась в длинный кожаный плащ и вышла из дома.

Темнота. Ночь, кое-где горят масляные фонари, скорее подчеркивая темноту, чем рассеивая ее. Я шла по улицам Алетара и слушала город.

Ветер приносил мне обрывки чужих мыслей, чужих слов, радости и боли, печалей и улыбок... я не должна ни во что вмешиваться, но я живая. Здесь и сейчас я чувствовала себя как моллюск, которого вытащили из надежной раковины, и, когда из одного дома на меня несется волна боли, я не выдержала.

Оттуда не кричат, не шумят, двери и ставни надежно сдерживают внутри шум, но не боль, нет, не боль. А болью от домика просто тянет.

Еще вчера я прошла бы мимо. Что поменялось сегодня?

Что?

Я не знаю. Но делаю три шага.

Мокрая трава в палисаднике хлещет по плащу, бронзовое тяжелое кольцо уверенно ложится в руку. И я стучу в дверь.

Открывают мне не сразу.

А когда открывают...

Здоровенный мужик стоит на пороге. Он пьян от собственной безнаказанности, от злой силы, от удовлетворенной ярости... на меня словно волна накатывает. Как сегодня, на берегу.

Я вижу все в его разуме.

Богатая семья, жена – из семьи бедной, выдали замуж, чтобы с голоду вовсе не помереть, год все было хорошо, как затяжелела, так мужик сына ждал, продолжателя. А получил девку.

Как тут жену не поучить?

Да и непослушлива она, не услужлива, сапог не снимет, ноги мужу не вымоет, а он ведь благодетель, он ее из нищеты, почитай, с помойки вытащил...

Ну и учить стал.

То кулаками, то плеткой, а как девчонка второго ребенка скинула, так и, считай, каждый день. Мысль, что это по его вине произошло, не приходила в дурную голову. Даже в гости.

А сейчас-то и вовсе распоясался, подонок.

Дите, оно ведь лезет везде, не понимая. Вот и скинула малышка вазу, доброй тещей подаренную. Папаша за ремень, жена его за руки хватать, вот и получила. И за дочь, и за себя...

Получила бы полной мерой, но тут я постучала.

– Тебе чего надо, девка?

Я улыбаюсь. И знаю, что сейчас из моих глаз смотрит смерть.

– Ничего. Уже – ничего.

Я не отнимаю у него жизнь. Это слишком легко, выжечь разум, убить...

Вместо этого я вытаскиваю из его разума самое худшее детское воспоминание.

Все негодяи когда-то были маленькими, все... и этот – тоже. Когда-то он мучил щенка. Мальчишки поймали его за этим делом и сильно поколотили. Так, что он кровавые сопли месяц размазывал.

Жаль, урок пошел не впрок.

Сейчас я верну ему эту боль. Эту беспомощность, это отчаяние жертвы...

В пальцах рассыпается пеплом небольшой аметист.

Надолго ли хватит воздействия? На месяц. Если он за это время сойдет с ума, пусть так и остается. А если нет... чтобы снять мое заклинание, он должен осознать лишь одно: *другим тоже больно*.

А когда понимаешь, что все живые, что другим людям так же больно, как и тебе... нет, ты уже не причинишь вреда. Ты не сможешь никого обидеть. Тебе тоже будет плохо от причиненной боли.

– Стин?

Голос раздается за спиной бородача. Я резко опускаю капюшон так, что на виду остаются лишь губы. Из комнаты появляется молодая женщина... почти девчонка.

– Все в порядке, – тихо шепчу я ей. – Он тебя больше не обидит...

– Ты?..

Я знаю, что она хочет спросить, но смысла разговаривать и уговаривать не вижу.

– Он больше тебя не обидит.

Я поворачиваюсь и ухожу, не слушая ни слов, ни вопросов. К чему?

Меня еще в порту ждут. А это... это так, побочно. Я просто не смогла пройти мимо отчаяния женщины. Уж очень ей было плохо и больно.

И не за себя она боялась, за ребенка. Она понимала, что рано или поздно... чем кончатся такие семейные разборки?

Смертью.

Она бы умерла, а ребенок... она не за себя боялась, за дочь. Может, в другое время я и прошла бы мимо. Но сегодня...

Родители волнуются за детей, это верно.

Родители, а вы никогда не задумывались, как за вас волнуются дети?

Я волнуюсь. И тяжело, тоскливо бьется сердце.

Мама, папа, где вы? Что с вами?

Одно я знаю точно.

Если кто-то посмел причинить вам вред...

Сегодня ночью несколькими мертвецами станет больше, это уж точно. Чего нет у магов разума – так это почтения к человеческой жизни. Наверное, потому, что они слишком много видят человеческой грязи.

* * *

Порт – это место, где ни на секунду не затихает коловращение жизни.

Прибывают и убывают корабли, идет разгрузка, препираются с чиновниками купцы.

И ночь – совершенно не повод что-то останавливать. Грузы бывают разные, в том числе и скоропортящиеся, и чем раньше они попадут в город, к заказчикам, тем меньше будет убытка, тем больше прибыль.

Вот и работает все круглосуточно.

И светло в порту, как днем. Факелы, костры, масляные светильники...

Я не прячусь, я просто иду по своим делам. Ищу то, что мне нужно, – самое обычное дело в порту. А что капюшон низко накинута...

Так ведь всякое бывает в жизни – и благородные дамы к капитанам бегают. Или не очень благородные, но совершенно не желающие известности. Все ж понятно, девчонка идет к любовнику.

Я не собираюсь никого разочаровывать, мне надо туда, где на воде покачиваются лодочки.

Привезти, увезти, заработок неплохой, а главное, язык за зубами эти люди держать умеют. Специфика работы такая. Не промолчишь – кто ж из клиентов к тебе сядет? Если все тут же про его дела узнают?

Сама я век бы об этом не задумалась, помогли знания, которые я извлекала все путешествие из памяти моряков. Выбираю лодку тоже не наугад, сканирую мысли на самом примитивном уровне. Который не требует даже затрат сил. Просто смотрю...

Ага, вот этот неболтлив. А уж если ему немного плату увеличить... детей много, жена опять на сносях. Наклоняюсь к лодке.

– К «Буревестнику» отвезешь?

– Серебрушка, госпожа.

– А что так дорого? – возмущаюсь напоказ, капризно, хотя знаю, что это еще по-божески.

– Так ведь вас и подождать надо будет, разве нет? А скольких я клиентов упусти за это время?

Кривлю губы.

– Ладно... поплыли.

И сажусь на корму.

Когда мы отплываем, делаю знак остановиться. В ладонь парня перекочевывают две серебряные монеты.

– Задаток. Еще столько же получишь, если сначала подождешь, а потом скажешь, что прикажу.

– Что скажу, госпожа?

- Что возил меня не к «Буревестнику», а кто там рядом стоит?
- «Кусачий краб», госпожа. И капитан его очень по дамам ходок...
- Вот, подойдет. Согласен?
- Да.

Я верчу между пальцами еще два серебряных. Чтобы видел, чтобы понимал – отдам.

- «Кусачий краб». Запомнил?

- Да, госпожа.

Когда мы поплывем обратно, я чуть-чуть помогу парню забыть. Он будет уверен, что возил меня к «Крабу». Или – не помогу. Посмотрим по ситуации. Что скажут, что узнаю...

* * *

На палубе «Буревестника» тихо и спокойно. Трап висит у борта.

Так на стоянке положено, мало ли кто приплывет, так каждый раз и орать под бортом? Вот еще не хватало.

Я лезу вверх, проклиная юбки и плащ. Штаны надо было надевать. Штаны!

Задним умом мы все крепки... кстати, в этот задний ум еще и крепко поддувает. Не рассчитаны юбки на такие прогулки.

Вахтенный замирает при виде меня, и мне хватает. Короткий импульс оглушает парня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.